

Кэту

Вольная поэтическо-драматическая фантазия
по картинам Пиросмани

Ишачий мост

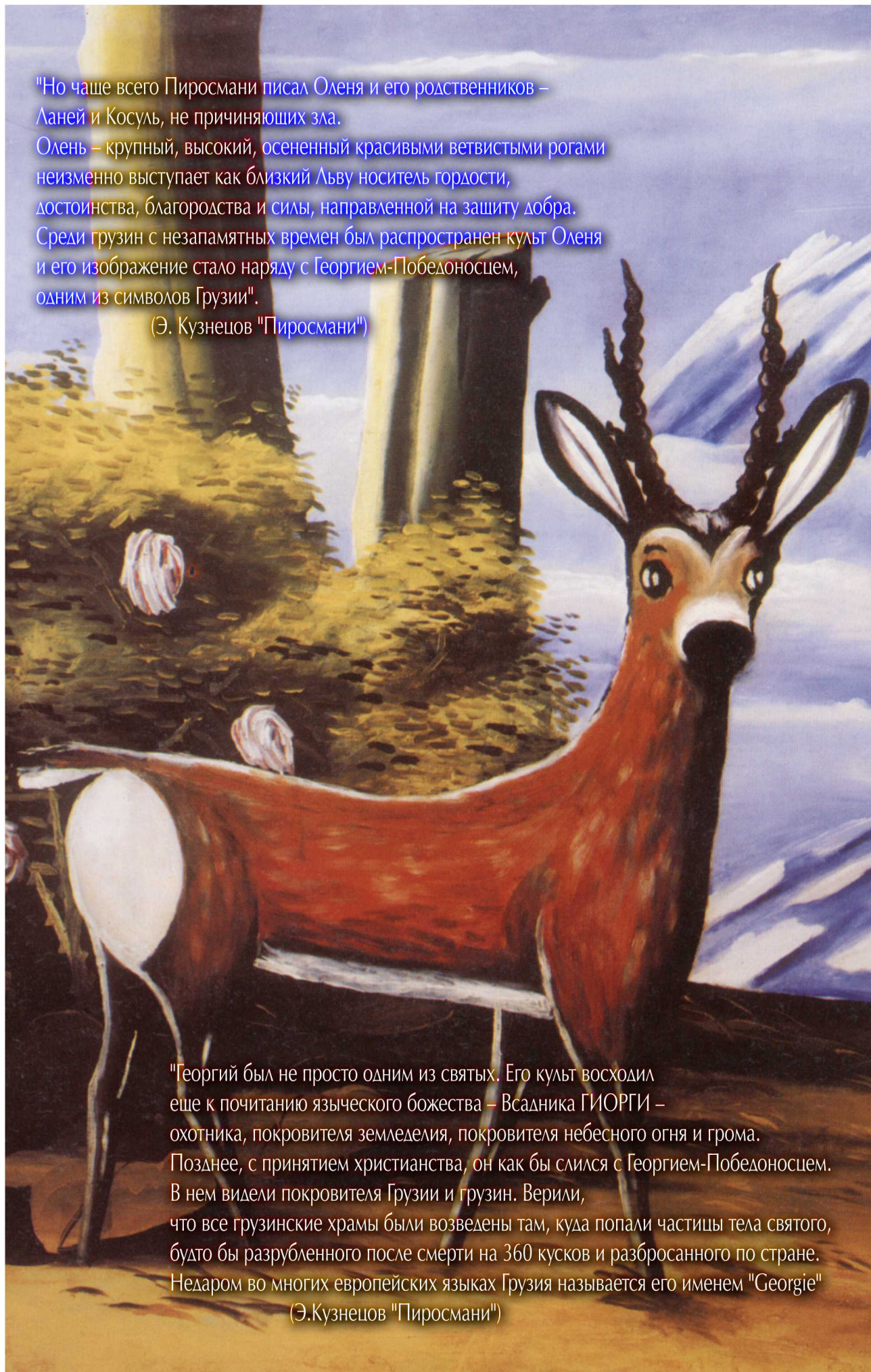
памяти грузинского художника
Нико Пиросманашвили

"Но чаще всего Пиросмани писал Оленя и его родственников – Ланей и Косуль, не причиняющих зла.

Олень – крупный, высокий, осененный красивыми ветвистыми рогами неизменно выступает как близкий Льву носитель гордости, достоинства, благородства и силы, направленной на защиту добра. Среди грузин с незапамятных времен был распространен культ Оленя и его изображение стало наряду с Георгием-Победоносцем, одним из символов Грузии".

(Э. Кузнецов "Пиросмани")

"Георгий был не просто одним из святых. Его культ восходил еще к почитанию языческого божества – Всадника ГИОРГИ – охотника, покровителя земледелия, покровителя небесного огня и грома. Позднее, с принятием христианства, он как бы слился с Георгием-Победоносцем. В нем видели покровителя Грузии и грузин. Верили, что все грузинские храмы были возведены там, куда попали частицы тела святого, будто бы разрубленного после смерти на 360 кусков и разброшенного по стране. Недаром во многих европейских языках Грузия называется его именем "Georgie" (Э.Кузнецов "Пиросмани")

«Мы должны видеть в искусстве более высокую степень, более совершенное развитие всех... свойств, ибо оно по существу дает то же, что и сам мир явлений, только сосредоточеннее, полнее, сознательно и намеренно и поэтому в полном смысле слова может быть названо Цветом Жизни».

*А. Шопенгауер
«Мир как воля и представление»*

Действующие лица:

Братья Зданевичи, студенты:

Кирилл – художник
Илья – поэт
Ле-Дантю – художник, студент
Петербургской Академии Художеств

Знаменитые

Тифлиссские живописцы:

Мосе Таидзе,
Александр Мревлешвили и др.
Тифлиссские ¹ критики, поэты

Французская актриса Маргарита (Коломбина)
Танцовщицы из кафе-шантана,
Ашуги ², Пленные, Раненые,
Духанщики, Мальчишки
Пиросмани (художник) –
Духанщик Титичев
Духанщик Бего Яксиев

Мальчик с Осликом
Шарманщик

Звери и Люди в Маскарадных костюмах Зверей:

Косуля
Лиса
Ворона
Белый Барашек
Ворон
Волк
Хорек
Барсук

Дарджелани (охотник)
Богиня Дали
(покровительница Охоты)
Павлин

Жена Дарджелани

1 Водонос,

2 Водонос

Иамани

Жена Иамани

Братья Усипи, Бадри –
дети Иамани

Дэв

Сестра Дэва

Дэв Карцецхли

Мать Дэва Карцецхли

Дэвы Цветущих деревьев

Ашоки: 1 Дэв, 2 Дэв, 3 Дэв

Андрероби

Сын Андрероби

1 Кадж

2 Кадж

Серая Мышь

Куклы из глины:

Христос

Амирани

Бадри

Усипи

Кэту

Гвалвешап (змея)

Странник: Святой Георгий
на коне или ГЕОРГИ

¹ Тифлис – старое название Тбилиси

² Ашуги – народные поэты

Часть 1

Ишачий мост

Содержание:

Часть 1 Ишачий мост.....	1
Глава 1 Косуля смотрит в горы.....	8
Глава 2 Косуля смотрит на зверей (по мотивам рассказа А. Саксе)	10
Глава 3 Художники	14
Глава 4 Косуля, гуляющая в Саду.....	15
Глава 5 Ишачий мост (по мотивам рассказа А. Саксе)	17
Глава 6 Любовь	20
 Часть 2 Амирани	25
Глава 1 Крик в ночи	27
Глава 2 Рождение Амирани.....	27
Глава 3 У родника Иамани	29
Глава 4 Знакомство с домом Иамани	30
Глава 5 Тайна Иамани	30
Глава 6 Битва с Дэвом	32
Глава 7 Дэв Карцецхли	34
Глава 8 Дэвы Цветущих деревьев Ашоки	36
Глава 9 Смерть Андрероби	37
Глава 10 Сын Андрероби.....	39
Глава 11 Куклы	42
Глава 12 Куклы II	44
Глава 13 Возвращение	45
 Часть 3 Дерево Ашоки	47
Глава 1 Косуля смотрит с вершины горы	49
Глава 2 Поэт	54

Глава 1

Косуля смотрит в горы

Длинный деревянный стол, усыпанный цветами и вылепленными из глины фигурками зверей, стоял неподалеку от берега. С высоких гор, по склонам, струились серебристые ленты водопадов, зигзагами огибая камни, блестела под Солнцем Кура.

На столе стояли роги с вином, глиняные кувшины с молоком, большие лавашы с сыром, зеленью, виноград.

Вокруг стола по всему берегу пестрели картины **Пиросмани**. Над столом большими буквами красовалась вывеска «Белый Духан» Чуть дальше виднелась вывеска Духана «Эльдорадо» и Эриданская площадь Тифлиса.

Вокруг стола сидели организаторы выставки, приехавшие на каникулы студенты Российской Академии Художеств, молодые художники, лидеры российского футуризма **братья Зданевичи**¹ и юный Ле-Дантю. Вдоль берега прохаживались знаменитые тифлисские живописцы, критики. Художники **Мосе Таидзе** и **Александр Мревлевшили** внимательно разглядывали выставленные Зданевичами живописные клеенки и холсты **Пиросмани**. На лицах обоих повисла тяжелой каменной тенью гримаса скепсиса.

Кирилл Зданевич (Ле-Дантю): Что скажете?

Ле-Дантю: Да ведь это современный Джотто!

Кирилл Зданевич (поднимая бокал с вином): За Грузию! За ее будущее! За **Пиросмани**!

(Поднимают бокалы, пьют. Молча прохаживаются вдоль берега тифлисские живописцы).

Кирилл Зданевич (Пиросмани): Долго ли Вы пишете свои картины?

Пиросмани: Картины бывают разные, можно писать целый месяц или даже год, и все будет, что писать.

Ле-Дантю: Вы знаете, что вы теперь самый настоящий, известный художник? (Улыбается). Расскажите о себе подробнее.

Пиросмани (тихо, немного торжественно): Вы, наверное, все надо мной насмехаетесь... Кто я? Все детство жил в Кахетии, с восьми лет осиротел, с тех пор живу в Тифлисе.

(Помолчав). Думаю, мне около 60 лет... Здоровье оставляет меня... Можете посмотреть, как я живу... здесь, неподалеку мой чулан. В котором я жил какое-то время... темно, тесно... Там и спальня, и мастерская. В духанах тоже темно, пахнет вином, но куда денешься... Там тепло, а в Дидубе, например под лестницей, было холодно.

(Грустный, рассеянный молчит. С холстов и клеенок смотрят на него его животные, люди, посетители духанов, смотрят – будто замерли в дыхании... Падают со светлого Неба принесенные ветром, утренние цветы, покрывают стол, падают в бокалы с вином и светятся).

¹ Братья Зданевичи родились, жили и учились в Тбилиси. Их отец, педагог Михаил Андреевич, был сыном польского революционера, высланного в Кутаиси из Варшавы за участие в восстании 1863г. Мать, Валентина Кирилловна Гамреклизе, воспитала в сыновьях интерес к живописи, поэзии, музыке. Кирилл Зданевич учился в Петербургской Академии Художеств. Его брат Илья был поэтом.

Ну, какой я художник, да еще известный? Так, работаю, мажу стены разными рисунками и за это получаю стакан вина и тарелку харчо. В общем, скандальная бедность...

(Тифлиссские живописцы и критики садятся за стол, поднимают бокалы).

Известный тифлисский критик (тост): За процветание Грузии и славу нашего народа! За конец войны!

Пиросмани (тихо): На нашей земле бесконечно идет война...

А мне хочется рисовать другой мир, в котором нет выстрелов войны, набегов лезгин, турецкого плена, шаха Абаса, где нет труда без продыха и нужды без предела. Я рисую мир души моей Грузии, каким он должен быть, каким он был когда-то, каким, верю, еще будет!

Илья Зданевич: Но что же будет с вашими картинами? Везде Нищета, бедность, раненые... Кто позаботится об искусстве?

Пиросмани: Не знаю. Войне нет конца... Дорожает жилье, продукты, умирают люди. Недавно умерли писатели Акакий Церетели, Нико Ломоури, Важа Пшавела. На смену бестолковому Закавказскому комиссариату пришел такой же глупый и бесполезный Закавказский сейм... Они пытались как-то удержать развал Закавказской республики (вздыхает). С севера потянулись тысячи беженцев, с другого края в сторону Баку потянулись эшелоны частей, которые уходили с ненавистного турецкого фронта. Стрельба, кровь, человеческое мясо... Ужасное зрелище! Министры все выясняли, кто же главный виновник Шамхорской трагедии... И между делом, в центре Тифлиса, в Александровском саду, зверски расстреляли митинг... Опять начались разбирательства, кто виноват... А в это время, вы же сами видели... когда приехали, город полон разбойничьих банд.

Кирилл Зданевич: В Илью стреляли из фаэтона ночью!

Илья Зданевич: Да...

Пиросмани: Грабежам и насилию нет предела. Бесконечный раздор, смерть... Увы... Нет иных прогнозов на будущее.

Кирилл Зданевич: Я с трудом организовал выставку Ваших картин и хочу выкупить из духана **Титичева** все ваши работы. Я их увезу все, что сможет вместить мой фаэтон, в Москву, а **Ле-Дантю** мне поможет...

Ле-Дантю: Я отправлюсь с вашей выставкой в Париж! Это великие холсты и клеенки! Вы слышите?! (Обращается к напряженно молчащим тифлисским журналистам и духанщикам, сидящим за столом).

Титичев: Пока я хозяин духана «Эльдорадо», в котором много последних картин **Пиросмани**... И пока еще... (прислушивается к выстрелам), мой духан пока еще не закрыли... Хотя это, верно, случится в ближайшее время... Работа теперь не та... Надо до лучших времен отсидеться в деревне... Но пока я хозяин картин... тех, что хранятся в моем духане.

Кирилл Зданевич: Сколько Вы хотите?

Титичев: На вес золота.

Кирилл Зданевич: Плачу золотом!

(С гор, усыпанных, будто внезапной сединой, белым снегом, съезжает фаэтон. **Зданевичи**, – **Кирилл** и **Илья**, – вместе с **Ле-Дантю** выносят из духана «Эльдорадо» картины **Пиросмани**. Складывают также картины, стоящие на берегу. Одна, вторая, третья... Смотрят с картин печальные глаза зверей **Пиросмани**. Смотрят на родную землю, будто прислушиваются к ветру, будто просят о чем-то несбыточном... невозможном...)

Известный Тифлисский Критик (смеясь, похлопывает **Пиросмани** по плечу): Ну, что уезжают твои студенты?! Тебе тоже нужно учиться, братец...

Человек твоих лет еще многое может создать... орфического... Лет через двадцать из тебя выйдет художник... Вот тогда мы все отсюда и пошлем тебя на выставку молодых...

(Духанщики и тифлисские художники, сидящие за столом, смеются, поднимают бокалы. Отъезжает от берега Куры фаэтон, увозит вместе со **Зданевичами** и **Ле-дантю** картины и мир удивительного художника... Увозит его зверей, его духаны, будто разрывает пополам душу и тело. Снова и снова с гор звучат выстрелы. Падают камни, будто рушатся древние пирамиды. Вылепленные из глины фигурки зверей оживают на длинном столе, усыпанном цветами).

Откуда-то со стороны Эриванской площади, выбегают к берегу Мальчишки, подпрыгивают на одной ножке, кричат наперебой, размахивая пачкой свежих газет:

- Русские войска победоносно движутся по Восточной Пруссии!
- Подорожали керосин, сахар и дрова!
- Чик-Чик-поручик!
- Продается тужурка офицерская!
- Полотно бумажное случайно продам!

(К берегу потянулись Раненые, словно восставшие из древних снов и времени, призраки).

Глава 2

Косуля смотрит на зверей

Художник передвигал фигурки зверей, как шахматы по гладкому, усыпанному цветами столу. Ветер развевал его поседевшие волосы. Он пел, наперекор выстрелам, обрушившихся гор и времени:

- Пока я жив буду...
- Буду растить фиалки и розы
- Моей жизни.
- Умру – обрадуются сначала
- Мои враги, потом черви...
- Друг букетом роз ударил меня в сердце...
- И недуг охватил мое сердце.
- Мое сокровище, Ослики...
- Никому не отдам за деньги...

Робкая **Косуля** спрыгнула со стола, прислушалась к голосу ветра – и – унеслась – вихрем вскочила на зеленый холм, за которым гудели сосны. Огненное Солнце золотило ее шерсть. Неподалеку, за лесом, у подножья горы, шумел водопад. Брызги таяли в воздухе, обращаясь в цветы. **Косуля** подбежала к противоположному склону и странно прижала уши. Увидела **Тигра**. Глаза хищника сверкали, ища новой жертвы. В несколько прыжков, подобно молнии, **Косуля** взобралась на высокий холм, покрытый снегом, спряталась в зарослях зеленеющей каранджи, перевитой лианами.

С ревом и рычанием **Тигр** пробежал мимо. Ветер разбрасывал цветы по длинному деревянному стволу. Глиняные фигурки зверей **Пиросмани** зашевелились, будто предчувствуя сердцем судьбу, прислушались к шуму горного потока, ломающего снег и лед. Вода пела. На дне плескалась форель.

- О, призрачный Олень, призрачный Олень!

Куда скачут призрачные Олени,
Они внезапно исчезают.
Сначала бежит – Газель,
Затем – Косуля.
Скачут призрачные Олени,
Пригнув рога к земле ¹.
Бегут они...

Маленький **Белый Барашек**, вылепленный **Пиросмани** из кусочка глины, лежал посередине стола, и, будто, из-под цветов – смотрел на **Косулю** глазами, полными слез. **Косуля** подбежала к столу, ударила копытом. Глиняные шахматные фигуры зашевелились, поднялись в воздух, повисли, будто куклы на невидимых нитях – над столом, над горами, над водой, над миром.

Покатались слезы из глаз **Белого Барашка**, он прислушался к разговорам зверей, будто сердцем предчувствуя, что его ожидает, жалобно заблеял. К столу подошел **Шарманщик**, сел напротив **Барашка**, заиграл что-то.

Шарманщик: Что плачешь, Бык, ведь у тебя

Будет много мякины!

— Зачем мне мякина, когда

Твоя немытая рука колотит

По моей спине палкой? ²

Воздух наполнился выстрелами, криками и стонами раненых и убитых.

По деревянному мостику под горным потоком, бежал босой **Мальчик**, погоняя **Осла**. Бежал к беседке, стоящей у реки, где веселились люди, бежал к противоположному берегу, возле которого качались лодки, бежал от ветра и выстрелов, погоняя Осла.

...В Тифлис возвращались солдаты, один за другим прибывали и новые поезда из-под Мукдена, Ляодуня и Порт-Артура, после участия в русско-японской войне...

Падали на стол, принесенные ветром с другого берега, белые цветы.

По городским улицам Тифлиса проехал первый трамвай, преодолевая крутые подъемы и повороты.

Вслед за трамваем, с шипением и ревом проехал первый автомобиль, и – в Небо – взметнулись, будто посланные чьим-то нежным, робким взором крылья... Будто взгляд, выскользнувший из-под утренней паранджи...

Над столом, усыпанным цветами, где сидели Люди в Маскарадных костюмах зверей, над **Белым Барашком**, приготовленным для Жертвоприношения, над тихой **Косулей**, из глаз которой катились жемчужины слез, над стремительным горным потоком, над лодками, качающимися рядом с беседкой, увитой виноградной лозой, – над всем миром маленькой Грузии, взметнулись крылья хрупкого летательного аппарата Алеши Шиукова...

Мальчик погонял **Осла** к противоположному берегу, пел и смеялся, звеня колокольчиком.

По морде **Косули** катились слезы. Она подбежала к длинному столу, усыпанному цветами, и – будто не замечая подмены Зверей и Людей, заплакала, закричала, рассыпалась стайей белых птичьих крыльев в Бескрайности Неба.

— **Тигр** растерзал моего сына! Слышите?

(Эхо унесло ввысь ее голос, обратило в свет).

¹ из индийской лирики.

² грузинская пословица.

Звери наслаждались голосом **Шарманщика**, смотрящего на **Белого Барашка** с испуганными глазами.

Шарманщик пел о любви:

— О, призрачный Олень, призрачный Олень!
Куда скачут призрачные Олени,
Они внезапно исчезают.
Сначала бежит – Газель,
Затем – Косуля.
Скачут призрачные Олени,
Пригнув рога к земле.
Бегут они...

Наконец **Лиса**, не выдержав вздохов **Косули**, лениво обернулась, посмотрев в ее сторону.

Лиса: О чем ты плачешь, дорогая?

Косуля (сквозь слезы): **Тигр** растерзал моего ребеночка!

Лиса: Неужели? (Смеется). Ай-ай-ай! (Сочувственно качает головой). Ну и негодяй же наш **Тигр**! Какое страшное преступление! Нам нужно собраться и строго наказать **Тигра**!

(Громко): Слышите, Звери!

Открываем собрание. На повестке дня один-единственный вопрос: «Дело Тигра».

Ворона: Предлагаю **Лису** назначить председательницей.

Звери: Согласны.

Лиса (с улыбкой): Предоставляю слово **Волку**. (Толкает в бок сидящего рядом задремавшего **Волка**).

Волк (быстро озираясь по сторонам): Гм – м... В последнее время... (заглядывает в подготовленную для выступления бумажку) в нашей среде... наблюдаются нездоровые явления... Я, например, видел, как Ворон поймал и съел мышь, хотя уже наелся до отвала, доклевав после меня Барана. Спрашивается, что же заставило Ворона броситься на Мышь, когда он уже взлетел на дерево и дремал, приоткрыв один глаз? Я самым строгим образом осуждаю жадность Ворона и требую, чтобы он оставил эту неумеренность, которая в конце концов может повредить его же здоровью...

(Сидящие за столом Звери одобрительно закивали головами).

Лиса: А что скажет Господин **Хорек**?

Хорек (неуверенно пожимая плечами): По-моему, следовало бы установить нормы, сколько каждому Зверю позволено съесть. Мне довелось быть свидетелем такого позорного зрелища, о котором в приличном обществе даже говорить стыдно.

Звери: О, расскажите, это очень любопытно!

Хорек: Уважаемый всеми нами Господин Аист так долго глотал на лугу лягушек, пока нога одной из них не осталась торчать из клюва. Если Вы думаете, что он удовлетворился этим, то ошибаетесь: увидев Змею, он все же ухитрился проглотить ногу Лягушки и потащил Змею по воздуху к себе в гнездо. Я не требую от Господина Аиста, чтобы он отказался от Змей, для него это лакомство, но должен же он понимать, что Змея могла свалиться кому-нибудь из нас на голову. Просто страшно. Вот о чем не подумал господин Аист. Потому он заслуживает самого строгого порицания.

(Заплаканная **Косуля** с удивлением смотрела на Зверей, сидящих за длинным столом, усыпанным цветами. Стремительный горный ветер перекручивал цветущие лианы и бросал ей под ноги. Солнце, тихо плывущее по

небосклону, едва касалось взглядом горных хребтов, обращая брызги шумящих водопадов в белые пушистые облака, похожие на Барашков.

И – оттуда – из задумчивой Седой и Холодной Вечности смотрело оно на мир, будто застывшей прозрачной росинкой на ладони – на мир маленькой Грузии, похожей на диковинный утренний цветок, смотрело грустными глазами юного **Оленя** или **Белого Барашка**, приготовленного в жертву, смотрело и плакало слезами маленькой удивленной **Косули**.

(Звери перешептывались, с жадностью и нетерпением глядя на **Белого Барашка**).

Лиса (постучав по столу): Не спешите, господа, еще не закончилось собрание. Может быть, Госпожа **Ворона** выскажется?

Ворона (откашлявшись): Уже давно пора поговорить о неприятном поведении Господина Дятла. Целыми днями он стучит по сухим деревьям. Когда наш Вороний хор собирается на репетицию, у дирижера просто нервы не выдерживают, так ему мешает Господин Дятел. Надо, наконец, призвать его к порядку.

Барсук (резво вскочив со своего места): А я хочу поставить на вид **Соловью**! Мне кажется, что Господину Соловью вскружили голову непрерывные похвалы поэтов, и он уже не понимает, что своими руладами мешает другим спать... Я, например, после полуночи возвращаюсь с охоты и хочу вздремнуть часок-другой, но не могу. Соловей только и знает – «тра-ля-ля» да «тра-ля-ля». Если он такой певец, то пускай поступает в оперу.

(Звери, вскочив со своих мест, зарычали, перебивая друг друга).

— Жаворонок тоже слишком рано встает!

— Дрозду надо запретить свистеть!

— Кукушку надо прогнать!

(По деревянному мосту к стоящей на берегу беседке, откуда слышалось веселое пение, к качающимся возле воды лодкам, к противоположному берегу, торопился **Мальчик**, погоняя **Ослика**. Солнце смеялось ему вслед и стремительный горный поток сквозь слезы белых лотосов, качающихся в реке, шептал его имя...)

По-прежнему пел о любви **Шарманщик**, глядел на праздничного **Белого Барашка**, украшенного крестом и колокольчиком).

Лиса (громко, стукнув хвостом по пню): Дамы и Господа! Предлагаю обсуждение недостойных поступков зверей закончить! Разрешите прочесть решение.

(Разворачивает бумагу, читает. Звери умолкают, внимательно слушают).

— Широко и всесторонне обсудив безобразие, имеющее место в наших взаимных отношениях, решаем:

1. Вороне и Аисту поставить на вид.

2. Дятла и Соловья призвать к порядку.

На этом наше собрание закрываем.

Звери (разочарованно): Но как же... (Смотрят на **Белого Барашка**, приготовленного в жертву).

Лиса (поспешно): До свидания, Дамы и Господа! Спешу на охоту за курами.

Косуля (в слезах): А как же с **Тигром**, который растерзал моего ребенка? Почему не судили **Тигра**?

Лиса (холодно): Госпожа **Косуля**, Вы ведь слышали, как сурово мы осудили совсем незначительные поступки. Ваш вопрос нас просто оскорбляет.

По-Вашему, получается, что мы недостаточно принципиальны! (громко)
Господа, господа! Погодите!

(Звери, начавшие расходиться, оборачиваются).

— Предлагаю дополнить наше решение третьим пунктом: «Выразить презрение **Косуле**».

(Согласно кивнув, Звери поспешили в сторону леса.

Падало в гущу травы и цветов, будто скатывалось со снежных вершин, Солнце, освещая путь.

Шарманщик пел о любви и босоногий **Мальчик**, насвистывая что-то, позвякивая колокольчиком, гнал **Ослика** по деревянным доскам тонкого мостика, туда, на противоположный берег реки, где качались среди белоснежных лотосов, лодки с надутыми ветром парусами, где из тихой беседки звучала песня о любви).

— О, призрачный Олень, призрачный Олень!

Куда скачут призрачные Олени,

Они внезапно исчезают.

Сначала бежит – Газель,

Затем – Косуля.

Скачут призрачные Олени,

Пригнув рога к земле.

Бегут они...

Глава 3

Художники

Над Тифлисом звучали непрерывные выстрелы. Звучали теперь эхом, будто древнее горное пророчество. Из отъезжающего фазтона, загруженного картинами и клеенками **Пиросмани**, долетали сквозь ветер слова **Кирилла Зданевича**.

С тоской глядели в темное от боли выстрелов Небо – звери с картин **Пиросмани**.

Кирилл Зданевич: Тифлис – шакал, питающийся падалью европейского рынка, солончаки, усеянные обломками прошлого, еще может томить сердце паломника, как земля обетованная, ибо его здания хранят клеенки **Пиросмани**. Это имя вам... совсем... не знакомо... Вы уверены, что искусство обитает в театрах и книжных проспектах, превозносите художников, питающихся отбросами импрессионизма, и именуете поэзией холодный кофе с молоком, которым вас ежедневно угощают клубные арапы. Ублюдки Европы – ваши поэты, живописцы, музыканты, критики и профессора, молодые и старые, не стоят сантиметра его клеенок.

Между тем, когда два года назад мы в печати указывали на **Пиросманшвили** и требовали у общества внимания – и помощи – вы промолчали, и эта лень и невежество не простятся вам.

Известный Тифлисский Духанщик: Подумаешь, знаменитость! У нас свои правила игры! Пусть благодарит, что его кормят! Почему он всегда один, почему рисует своих зверей, почему отделился от нас? Почему все время уходит на другой берег Куры?

Пиросмани: Братья! Я знаю, что нам нужно. Если вы верите мне... Тифлис не может вместить всех беженцев, раненые идут отовсюду. Нам нужно выжить.

Нужно, чтобы жила наша Грузия, наша любовь, наша древняя культура, наша мечта... Нам нужно *посередине города, чтоб всем было близко... нам нужно построить большой деревянный дом*, где мы могли бы собираться, купим большой стол, большой самовар, будем пить чай, много пить, говорить о живописи и об искусстве...

(Художники и духанщики Тифлиса злобно хохочут. С гор звучит эхо выстрелов. **Пиросмани** собирает в горсть глиняных зверей, встает из-за стола). Вам это не хочется, вы о другом говорите... вы...

(К нему подходит **Ладо Гудиашвили**, молодой художник).

Ладо: Послушайте, я рад был познакомиться с вами... У Ваших зверей глаза, как у людей... Они печальные, они похожи на вас...

(**Пиросмани** обнимает его).

Пиросмани: как тебя зовут?

Гудиашвили: **Ладо Гудиашвили**.

Пиросмани: Приходи, **Ладо**, я напишу твой портрет.

(Уходит на другой берег, теряясь среди гор).

Глава 4

Косуля, гуляющая в Саду

Сад духанщика **Бего Яксиева**. Тихо журчит среди камней холодная вода горного ручья, в тростниковых зарослях, очерченных камнями, стоит робкая **Косуля**. Нюхает душистые утренние фиалки, бьет копытцем.

Пиросмани берет кисть, рисует.

Пиросмани: Твое туловище похоже на древний иероглиф... (Смеется). Хочешь, я научу тебя читать? Хочешь, будем учить азбуку?

(**Косуля** согласно кивает).

Пиросмани (рисует фиалку): Аи-иа... Вот фиалка...

(**Косуля** подходит к нему, разглядывает нарисованный цветок. Издаёт тихий гортанный звук, похожий на птичий клекот, снова теряется в зарослях лиан. **Пиросмани** осторожно наблюдает за ней, вслушивается в журчание воды, движущейся между камней).

В сад входит **Бего Яксиев**. Садится на камень, раскаленный Солнцем, улыбается).

Бего Яксиев: Во что ты веришь, **Нико**, кроме твоих зверей? Все хочу у тебя спросить... Иногда кажется, сам Ангел в твоей кисти.

(Любуется работой художника).

Пиросмани: Когда я рисую **Косулю** или **Оленя**, сердце мое парит высоко в Небе и трепещет. **Олень** – высокий, как гора, символ моей Родины, ее будущее...

Смотри, **Бего**, верно, хороший мы народ – грузины...

(Показывает на **Косулю**, радующуюся в цветущих фиалках).

Это мы... Это наша душа и наше сердце... (Улыбается). Иногда я боюсь рисовать ее. Особенно, когда опять в горах стреляют. Но тогда... это случалось не раз... Ко мне, **Бего**, является мой архангел, у него в руке – кнут. Вот... он здесь стоит... указывает кистью на светлое пятно в картине). И он кричит: «Не бойся!» Я слушаю его слова и голос, похожий на плеск волн древнего моря, и я целую эту землю...

Бего Яксиев: Жениться бы тебе, **Нико**...

Так правильней. Многое бы могло переменится в твоей жизни. Я подыскал тебе невесту. Хорошая женщина. Из беженцев...

Пиросмани (резко): Я приношу несчастье женщинам!

Бего Яксиев: Не шути так, **Нико**, я тебе ничуть не верю!

Пиросмани: Когда-то, в юности, я жил у своей сестры в Мирзаани. Она и теперь там... Я построил для нее небольшой дом, чтобы хоть немного отблагодарить за добро, за тепло сердца, которое она мне подарила. Моя сестра – ангел...

(Рисует **Косулю**).

Когда-то мы с Димитром Алуغيшвили, моим тогдашним компаньоном, торговали. Я заработал много денег и сразу построил сестре дом... А она (смеется) решила тайно подобрать мне невесту из нашей деревни. Но этой свадьбе не суждено было состояться... (Смеется, вспоминая что-то). А потом... Торговля закончилась вместе с постройкой дома. Кроме того, в то время я безответно влюбился раз и навсегда в своей жизни. Влюбился в Тифлисе во француженку Маргариту-артистку кафе-шантана. С тех пор и остался здесь. А моя деревенская отторгнутая невеста живет там же, в Мирзаани... (Вздыхает). Я приношу несчастье, Бего! Никогда не подойду к женщинам!

Бего Яксиев (растерянно): Но это не причина... Ведь теперь... Ты – известный художник... Все видели твои работы, молодежь тянется к тебе...

(**Косуля** подходит к ручью, пьет воду, настороженно прислушивается к отдаленным выстрелам).

Пиросмани: Когда-то я крестил дочку своего бывшего компаньона Димитра Алугишвили – Марусю... Был шафером на свадьбе Нины, сестры его жены. Вскоре Нина умерла. И мне кажется, что я был виновен в ее смерти! Я, наверное, сглазил ее!.. Потом заболела и умерла дочка, я погубил обеих. Я приношу несчастье... (Невдалеке одинокие выстрелы).

Бего Яксиев (испуганно): Нет, нет, **Нико**, у Димитры Алугишвили осталось еще много детей. Один из сынов погиб на войне.

Пиросмани: Я знаю... Но Маруся была *моей* крестницей, *моей* голубкой...

(**Косуля** подходит к художнику, кладет морду на его ладонь).

Я плакал о ней, плакал на старом кладбище... Потом пришел черт в священнической рясе и я погнал его... Я погнал его с кладбища, подальше от моей убитой голубки... Потом я ушел в горы, упал в траву, как раненый **Олень** и горько рыдал. Тогда в первый раз ко мне явился мой святой Георгий, у него в руке был кнут, он ударил кнутом и закричал: «Не бойся!». Это случилось не раз. И теперь, видишь ... (Указывает на белое пятно в картине). Он здесь стоит...

Я верю в Грузию, верю в ее будущее, верю в своего святого Георгия...

Когда я ложусь спать, он появляется с кнутом у моего изголовья и говорит: «Не бойся». А вокруг стреляют. Убивают людей, зверей, птиц... Я открываю глаза, смотрю на Солнце – и моя кисть рисует... Плачет, как робкая **Косуля** и рисует...

(**Косуле**, нежно): Ты похожа на древний иероглиф... Ай-Иа... Повторяй... Вот фиалка...

(Напевает, сквозь выстрелы).

Друг букетом роз

Ударил меня в сердце...

И – недуг охватил

Мое сердце...

Мое сокровище – Ослики...

Никому не отдам – за деньги...

Мимо Сада, – мимо духана **Бего Яксиева** заскрипели тяжелые колеса. Возвращалась в город арба, запряженная рыжими Буйволами.

На арбе сидел **Мальчик** в красной рубаше. А позади арбы тихо шел привязанный **Белый Барашек**.

Вздрогнула **Косуля**. Робкий клекот, похожий на птичий плач, вырвался из ее сердца. Она выбежала из Сада, перепрыгнула камни, ручей, звучащие над миром выстрелы, подбежала к арбе и несколько раз укусила веревку, которой был привязан **Белый Барашек**.

Прогремел выстрел, еще и еще... Прижавшись брюшком и копытцами к цветущей траве, утопая в зелени, поднимались, всходили, как робкие утренние звезды, по горному склону – **Косуля**, похожая на древний, забытый сердцем иероглиф и маленький **Белый Барашек**...

Арба, запряженная рыжими Буйволами, возвращалась в простреленный, выпотрошенный дотла – истерзанный город.

Бего Яксиев (тихо, сквозь слезы): Нико... слышишь... нарисуй... нарисуй... эту... страшную арбу...

Глава 5

Ишачий мост

Кафе-шантан в одном из старых районов Тифлиса, вблизи реки. Ветки душистой **Ашоки** пышут свежестью, плещутся в тишине, заглядывая на дно небольшого пруда.

На берегу пруда стоит **Шарманщик**, гладит маленького серого Ослика.

Шарманщик (поет):

О, призрачный Олень, призрачный Олень!
Куда скачут призрачные Олени,
Они внезапно исчезают.
Сначала бежит – Газель,
Затем – Косуля.
Скачут призрачные Олени,
Пригнув рога к земле.
Бегут они...

Серый **Ослик** прислушивается к его песне, покачивает головой в такт. Падают в траву слезы из темных глаз серого **Ослика**, влажным носиком он тычется в душистые цветы, в траву, будто пытается найти материнское вымя, дарящее любовь и покой.

Сумрачное кружево обволакивает его своим дыханием. Жмурится – от слез – **Ослик**. Поет **Шарманщик**, считая выстрелы, звучащие в городе, вглядываясь в светлячков, упавших, выпавшихся в траву, будто далекие звезды.

Плачет серый **Ослик**, вздрагивает от выстрелов, беспомощный, тщетно ища материнское вымя.

Яркая музыкальная тема, вылетев из кафе-шантана, упала в траву, рассыпалась – и – погасла.

Выбежала со сцены яркая, ослепительно сверкающая **Коломбина**, увидела что-то во тьме, заплакала ярко-черными слезами, размазывая по лицу грим, будто гарь, будто угар, будто сажу...

С трепещущим птичьим сердцем, раскинув руки, будто вырвалась – и – из – тьмы – в тьму. Из сумерек – в сумерки... Там плясала она, глядя в лицо смерти и смеялась над ней. Здесь услышала впервые ее нетерпеливые шаги. Эхо выстрелов прокатилось по горам — и – стихло.

Настороженно поднял уши серый **Ослик**, робко подошел к плясунье, потерся мордой.

Девушка спустилась по тропе к речному берегу. **Ослик** побежал за ней, послушно сел рядом. Позади них, на большом деревянном столе, стоящем, будто одинокий корабль, брошенный кем-то под открытым Небом, переливались, блестя в бокалах, различные напитки, вина, на изящных блюдах была разложена зелень, фрукты, сыр, виноград, лаваш.

Девушка взяла несколько грецких орехов в ладонь, угостила серого Ослика.

Прогремело еще несколько одиноких выстрелов. Рядом с девушкой пробежали несколько пленных. Они стонали, плакали от боли и страха.

К берегу причалил корабль. С его палубы на берег потянули за веревки, тросы – рыжую арбу. На берег сошли люди. Раздались во тьме незнакомые голоса. Девушка с тревогой смотрела на звезды. Темный фон речного берега сливался с Небом, не обозначая горизонтальных границ.

«Ах, если бы не было войны, если б наладилась наша Тифлисская жизнь!» – вздохнула девушка и расплакалась. Черные стрелы слез выросли на ночных стеблях цветов, на нарумяненном, почти кукольном лице плясуньи, обозначились на лбу и щеках тонкими звездными узорами, похожими на нераскрывшиеся цветы...

«Бедный мой Ослик, – вздохнула девушка. – Ну, где же твой хозяин. Почему его так давно нет? Ты не знаешь, куда он ушел?» Ослик отрицательно покачал головой. Люди, приплывшие на рыжей арбе, спустились с корабля на берег и уже усаживались за деревянный стол. Пили вино, спорили, снова пили вино, ели... Над их головами то и дело звучали выстрелы. Но они, казалось, привыкли к ним.

Раненые и бежавшие из плена кричали и стонали в ночи, ухали, будто совы. Несколько человек, добравшись до берега реки, разожгли костер. Сквозь слезы и боль смотрели на пламя, которое, будто завеса, отделяло, отгораживало, защищало их хотя бы на миг от того чужого мира, из которого они пришли, от выстрелов, от насилия, и, казалось, от самой смерти.

Раненые смотрели на пламя, на истлевшие угли, вдыхали запах сгоревшей хвои, ночных цветов, смолы.

Плясунья подошла ближе, пригляделась – сквозь тьму различая изможденные, израненные суровые лица, глубокие, будто застывшие в свете звезд – крупницы пламени, светились из искрящейся бездны человеческой души.

Девушка прислушалась. Сквозь плеск речных волн улыбался ей навстречу – будто издалека – серый **Ослик**, плакала у пруда, возле полуразрушенного кафе-шантана, одинокая Шарманка.

Один из сбежавших пленных, наперекор выстрелам говорил о несправедливости, о чем-то своем, важном.

Девушка вздохнула, задумчиво погладила **Ослика**, почему-то горько заплакала, размазывая по бледным накрашенным щекам будто – кукольные слезы.

Поджав под себя ноги, она присела на берег, вздрагивая и робея от дальних выстрелов, будто **Косуля**.

Один из раненых погладил ослабевшей рукой серого **Ослика**, улыбнулся – ей – будто из пламени.

Раненый: Был у меня когда-то друг Мухамеджан... Он был умный, красивый, недавно убили его. Жил у него такой же красавец Осел, как твой, девушка. Даже лучше... Длинноухий, с твердыми копытами и сильной спиной. Взялся он на самые высокие горные склоны.

(Плясунья улыбнулась, ничего не возразив).

Раненый: Этот Осел был умен, как лошадь и послушен, как собака.

2 Раненый: Я помню осла Мухамеджана. Помню, как часто Мухамеджан говорил своей жене: «Что бы мы стали делать, не будь у нас такого осла? Как возил бы я в город бурдюки с вином? Как тащил бы я оттуда соль и муку?» Жена соглашалась... помню, хороший был осел, красивый осел. Такого осла не было ни у кого из моих соседей и родственников.

1 Раненый: Помнишь, как Мухамеджан гордился своим ослом? Когда Абса и Абдурахман рассказывали о том, как запряжились их ослы на горных перевалах над крутым обрывом и швырнули в бездну два бочонка самого дорогого вина?..

2 Раненый: А я помню, как радовался Мухамеджан, когда Абдурахман рассказал ему об Осле Абаса, как тот запряжился на мостике и утопил в речном потоке один мешок соли и два мешка муки.

Плясунья (смеется): Ой! Что же это были за ослы?

1 Раненый: Однажды Мухамеджан подслушал разговор своих соседей. Абдурахман говорил о таком заклинании, которое могло бы принести несметное количество денег, если сказать его ослу...

(Девушка смеется, смотрит на пламя. Сейчас река, раненые, пленные и серый **Ослик** кажутся ей детской сказкой, нереальным, иным миром, в котором лишь цвет –и –ни единого выстрела, ни – даже – эха выстрелов, ни воспоминания о смерти и печали).

1 Раненый: После того, как Мухамеджан услышал о заклинании, которое советовал Абас Абдурахману, он не находил себе места! Каждое утро кричал он из своего дома, рядом с моими окнами: «**Ослик**, встряхнись! **Ослик**, встряхнись!».

Умный **Осел** вскоре понял своего хозяина. Стояло сухое лето, ключи совсем перестали бить, повсюду высохли реки, вода испарялась быстрее слез на лице безответно влюбленной девушки.

Осел Мухамеджана, как обычно, возвращался вечером из города, где Мухамеджан продал остатки вина. В тот день вместо мешков с мукой он вез на спине своего уставшего, совершенно обессиленного, изнемогающего от зноя, хозяина. Задремав в пути, Мухамеджан не заметил, как **Осел** забрел в горы, и, когда очнулся, хотел было погнать животное обратно, но **Осел** уперся копытами в землю, вытянул морду и тоскливо, пронзительно закричал, умоляя хозяина довериться ему.

— Ну, иди, мой **Ослик**, покажи, что так тянет тебя туда, – согласился Мухамеджан.

Осел свернул с тропы, быстро пробежал по склону сквозь кустарник и приблизился к крутой скале. Мухамеджан едва сдержал сердце от внезапной радости.

— Вода! – вырвался внезапный крик из его груди. Прозрачная струя напористо била из щели скалы, терялась в камнях, в глубинах подземных вод.

Мухамеджан и **Осел**, не отрываясь от воды, пили, пили... Мухамеджан наполнил водой пустые бурдюки, счастливый, вернулся домой. Но, вместо того,

чтобы отблагодарить преданное и умное животное, он стал заставлять его по три раза в день взбираться в горы и привозить на своей спине бурдюки с водой для продажи.

Иногда с **Ослем** отправлялись в город братья Мухамеджана, несчастное животное с каждым днем теряло силы. И вот настал день, когда **Осел** уже не смог подняться на ноги. Ни еда, ни пинки Мухамеджана и его братьев не помогали. **Осел** жалобно смотрел на хозяина и мычал.

— Из-за этого **Осла** я потеряю весь свой дневной заработок! Может, он и завтра, и послезавтра будет валяться и грабить меня?! Позор, а не **Осел**! Вместо этой дохлой скотины я возьму себе трех верблюдов, тогда мы с братьями сможем трижды в день возить в город воду бочками.

Так мой покойный друг Мухамеджан решил судьбу своего друга **Осла**. Он взял дубину и ударил животное по голове...

(**1 Раненый** неожиданно смолкает. Слушает горное эхо гудящего в ночи водопада. Звездная таинственность ночной тиши нарушается лишь изредка потрескиванием танцующего пламени костра и внезапными отдаленными выстрелами).

2 Раненый: А я так думаю – вот убили... Мухамеджана на войне, а он убил своего **Осла**, надежного и преданного. Так кто же злее всех на этой земле? (Подумав, протягивает... ладони к огню). Нет зверя страшнее человека!

1 Раненый (гладит серого **Ослика**, который сидит рядом с девушкой): Жизнь человека и жизнь животного приобрели одинаковую ценность. Особенно во время войны...

Глава 6

Любовь

Художник стоял тихо, почти не шелохнувшись... Облокотившись о непрочные перила деревянного мостика. Из темноты густых ветвей он наблюдал за движением пламени, за танцующей **Коломбиной**. На лице девушки цвели слезы, она щурилась и смеялась, будто из глубины крохотного сердца бросая вызов войне, звучащим в ночи выстрелам, расколовшим тишину, точно скорлупу грецкого ореха.

Из кустов мадуки выглядывал серый **Ослик**, он пробежал по деревянному мостику, снова возвращался на берег, садился у костра рядом с ранеными, поджидал хозяина. Наперекор ветру плясала девушка, наперекор брызгам звенящих водопадов, наперекор плеску речных волн, наперекор птичьему клекоту, похожему на плач.

Ее тело, будто слепленное из белой глины, сияло в ночи, высекая из тьмы – звезды. Рассыпались, звеня искрами – брызги золотистых струй водопада, в душе звучала музыка, легкая, светящаяся, как будущее чудо.

Когда она опустилась, будто вздохнув, на траву, художник показал ей свой холст.

Не мигая, смотрела на **Коломбину** удивленная *Кукла*, словно застывшая в Небе – без выстрелов – и – Тьмы – *душа трепетная, как цветок, легкая, как Косуля*.

— *Это моя Любовь и Сердце моей Родной Земли*, – помолчав, сказал художник, – я верю, так и будет, – добавил он.

Серый **Ослик** хмыкнул, ткнулся в холст мордой, будто хотел поцеловать душу своей родины. Будто хотел вернуть ее – родную – светлую – с Неба... Будто было возможно ей одной укротить время и пересилить войну.

Из зарослей бамбука, скрипнув веткой, выглянул **Лев**. Глаза его были добрыми, мягкая шерсть отражала сияние Луны. Он держал в зубах цветок и улыбался.

Художник взял кисть и тотчас нарисовал **Льва**.

Девушка приколола цветок к груди и осторожно погладила пушистую львиную гриву.

— Звери – мои друзья, я люблю писать зверей, – улыбнулся художник.

— Они похожи на людей и на сердца раненых, – добавила **Коломбина**. Прислушалась к голосам у костра на берегу.

— Меня зовут **Маргарита**, я француженка, танцую в кафе-шантан. Но Грузия моя Родина, душа и цветок моего сердца... Не знаю, понимаете ли вы меня, – вдруг рассмеялась она. – Кажется, что понимаете. Я часто вижу вас в духанах. Моя жизнь – кафе, музыка – это единственное, что спасает меня в этой безжизненной атмосфере войны.

Она раскинула руки, ладонями – в ночь – будто бы для полета.

— **Маргарита**, – как во сне повторил художник.

— Когда я танцую, я слышу биение сердца будущей огромной новой земли... Вы мне верите? Она живет – внутри меня, вот – здесь, в моей груди, в моей душе. И я чувствую ее дыхание... У нашей земли, у нашей с Вами Грузии, у нашего цветка души, вмещающего Вселенную, есть будущее! (Смеется). Слышите, вопреки всему и всем пророчествам! Вопреки войне! И смерти!

Она танцевала под теплыми южными звездами Кавказа, на деревянном мостике, раскинув руки, даря улыбки зверям, деревьям, людям – всему живому; – ладонями – в – ночь – и – ее бледное лицо покрывалось слезами, Точно цветами. Высоко в горах звучали бесчисленные выстрелы.

Пиросмани (тихо поет, смотрит на девушку):

Цвет небесный,
Синий цвет,
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.
И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.
Он прекрасен без прикрас.
Это цвет любимых глаз.
Этот взгляд бездонный твой,
Напьяненный синевой.
Это цвет моей мечты.
Это краска высоты.
В этот голубой раствор
Погружен земной простор.
Это легкий переход
В неизвестность от забот
И от плачущих родных
На похоронах моих.
Это синий, негустой

Иней над моей плитой.
Это сизый, зимний дым
Мглы над именем моим ¹.

Маргарита подбегает к художнику, заглядывает в его потемневшее от боли лицо, утирает слезы. Отчаянные выстрелы гремят где-то рядом, в соседних горах. Беспомощно блеет **Серый Ослик**, жмется к девушке, ищет тепло.

Маргарита: Милый, хороший **Нико**! Вы – удивительный художник! Я видела все-все Ваши картины перед тем, как **Зданевич** увез их в Россию. Ваши звери – это мое сердце! Мои глаза! Моя душа!

Вам нельзя петь, думать и писать о смерти. У Вас – все впереди! Поверьте! В Ваших зверях – в них... в них больше, чем любовь... (Обнимает его). Не смейте, слышите, очень прошу вас, **Нико**, не смейте говорить и думать о смерти! Милый «граф»... (смеется), кажется, так Вас зовут друзья...

Пиросмани: Да, так. (Приподнимает шляпу, кланяется, распахнув свой темный плащ). Но многие сейчас называют меня так в насмешку... (Вздыхает, поднимается на деревянный мостик). Все, все кончилось... Я прожил две трети отпущенной мне жизни. Мне осталось очень немного времени, **Маргарита**, а я... я ничего не сделал серьезного... У меня нет ни работы, ни дома, ни семьи.

Маргарита: У вас, **Нико**, есть свобода. (Смеется). Если хотите, я пойду с Вами по духанам и буду просить: «Дайте ему работу, заказы, он хороший художник!»

Пиросмани: Сейчас все духаны закрывают, многие духанчики уезжают в деревню отсидеться, смешные, они хотят убежать от войны и смерти... Когда-то я тоже был счастлив... Когда жил в духане у **Бего Яксиева**, долго жил, несколько лет... Подолгу сидел в его Садике, под ореховым деревом, где был небольшой водоем, наблюдал за цветами и облаками. Слушал птиц, зверей и писал... Много писал... (Вдруг). Хороший мы народ – грузины, только тут у меня, (смеется, стучит по своему лбу) пожалуй, ничего нет! Я не могу распоряжаться деньгами, если они у меня появляются, я тотчас их трачу, раздаю музыкантам...

(Вспоминает). В «Белом» духане иногда сидели все вместе, молча, пили под сазандару или зурну или под шарманку... Пели «Алаверду», «Семь сорок», «Субботу», «Шарлатан», «Сулико», стихи читали и пели! Это было прекрасней всего! Маргарита, я всегда смотрю на Вас, когда вы поете, танцуете – сердце мое замирает от восторга! Слышали ли вы когда-нибудь грузинское многоголосие?

Маргарита: Да! Это величественно и даже торжественно!

Пиросмани: Я люблю грузинское застолье, но не так, как другие... Это Царство поэтов, захмелевших ангелов с душой, пылающей пророческим огнем... Как у древнего Амирани, которого приковали к скале за божественное знание! За любовь к красоте и свободе! И, может быть, за истинную любовь! А я хочу ощущать себя красивым, сильным и добрым, как Олень – символ нашей Родины, хочу жить среди таких же сильных и добрых людей... (вздыхает). Когда-то, совсем недавно, еще не звучали над горами Кавказа бесконечные выстрелы, не стонали раненые и пленные, как пойманные в сети звери, из каждой распахнутой двери слышались песни, шарманки, а мимо проносились фазтоны... (плачет). Я закрываю глаза, милая моя **Маргарита**, и еще раз хочу продлить это блаженство...

Маргарита: Не стоит Вам тратить на музыкантов и поэтов, Нико, они обычные люди, балаганщики, мало, чем отличаются от меня... обычной кафе-

¹ стих. Н.Бараташвили

шантанной певицы. Вы лучше их, **Нико**... Вы – только не смейтесь. Вы – настоящий граф...

(**Пиросмани** сжимает ее ладони и несколько минут стоит молча. Над деревянным мостиком сияет, будто медовый пряник – желтая луна. Будто вылепленная из теста, из песка, из глины. Кажется, протянешь руки – и прикоснешься, словно при–тя–нешься – к Неведомому).

Пиросмани: Мне улыбалась жизнь дважды – когда я жил в Кахетии и в «Эльдорадо», райской стране на берегу Куры...

Помню, вход в сад «Эльдорадо»... Будто в Подлунную... (улыбается). Арка бирюзового цвета, я ее так и нарисовал... Белые пивные кружки... Темно-зеленые квадраты и надпись «Эльдорадо. Увеселительный сад. Владелец **Титичев**. Фрукты, шашлыки, вино. Играет орган».

Маргарита: Да...

Пиросмани: Сад был довольно большой... Выходил к реке... Я любил в Саду слушать ночные песни птиц, плеск воды, река пела мне, шептала о своем, капли ночной росы согревали траву и мои босые ступни... Когда я касался ее. Днем я ухаживал за цветами, клумбами, превращаясь в настоящего Садовника (смеется). А потом – писал... Слушал голоса гостей, долетающие в Сад из Духана – и писал...

Вечером, когда в Саду загорались разноцветные фонарики, к воротам подъезжали фаэтоны... Тогда **Титичев** сам встречал своих гостей... Солидный, с тяжелым брюшком, как у шмеля... Тени бродили по аллеям... Это были женщины... **Маргарита**... Падшие ангелы... дети греха, помахивая веерами, они, все как одна, были похожи... Они ... промышляли здесь самостоятельно... Жили от других соседних увеселительных заведений... Но я никогда не осуждал их... Я не видел в их душах никакого греха... У одной из них даже был ребенок, и остальные ортачальские красавицы завидовали ей. Некоторые из женщин просили написать их портреты, веря в то, моя кисть избавит их от греха... Смешные!

Вообще, когда я пишу погибших ортачальских красавиц, я их помещаю на черном фоне жизни, но и у них есть любовь к жизни – это цветы, помещенные вокруг их фигур, и птички у плеча. Я пишу их в белых простынях. Я их жалею, белым цветом я будто бы прощаю их грех. (Смеется).

Маргарита: Вы что же, нас... (смущенно) их... прощали? Знаете ли Вы, **Нико** – граф, какой вы человек?!

Пиросмани: Вы говорите, как мой ангел – Георгий... он часто напевает мне, когда я сплю:

«Этот мир с тобой не дружен,
В этом мире ты не нужен...
Братец ты мой Никола,
К чему тебе эта житейская суета?
Обителью тебе станет рай...
И все тебе там будет.
И жить будешь
С архангелами Михаилом
И Гавриилом...»

Только я без духанов не могу. Без людей не могу, без песен, без застолья грузинского, без стихов, песен, без зверей, без вина, без нашего многоголосья. Вот в чем беда, милая **Маргарита**! Но наши художники не признают меня – я не так работаю, как они... Недавно в газете нарисовали мою карикатуру... Ладно, пусть Бог избавит меня от них. Сфотографировали меня – ничего не хочу!

Маргарита: Карикатуру? На вас?!

Пиросмани (Достает смятый газетный листок): Вот... Нелепый балахон, чуть ниже колен, голые ноги, будто куриные лапы... А рядом – наш известный критик, наставляет: «Надо тебе учиться, братец! Человек твоих лет может много создать... А вот лет через 20 из тебя выйдет художник! Вот тогда мы пошлем тебя на выставку молодых!»

Маргарита: Не отчаивайтесь, граф! **Зданевич** увез ваши картины далеко, в Москву! В Россию! Он и **Ле-Дантю** уверены, что вы получите признание в Москве и в Париже! Поймите, вам нет здесь равных! Вы... **Нико**... Вы – как Ваш Жираф, которого Вы написали... Он на голову выше остальных... и оттого, мне кажется, не уместился на картине... (Хохочут, убегают на другой берег по шаткому мостику, будто не слыша эха выстрелов, брошенных им в след. На деревянном мостике, перекинутом через реку, стоит грустный серый **Ослик**, мечтательно смотрит в Небо).

Часть 2

Амирани

по мотивам грузинских народных преданий

Глава 1

Крик в ночи

Ночь. Снег. Высокая узкая скала. Дремучий лес, в нем сквозь – рычание зверей и переклики птиц слышал Охотник чей-то крик.

Обернулся, в тишине вздрогнуло сердце – встревожено – по-птичьи. Огляделся вокруг. Темные сосны смыкали кроны, будто свесившиеся пряди тяжелых волос, сплетали их кольцами, мучительно, высоко скрипя... Будто касаясь Неба и будто не в силах коснуться его, не – в – силах сдвинуться с места, пошевелиться не – в – силах.

Крик летел низ, разбивался – будто с отвесной скалы пущенная стрела. Охотник взглянул вверх. Прислушался еще раз. Не было сомнения – кричала женщина.

«Странно, – пробормотал он, потупив глаза, – Откуда на скале женщина? Не иначе сама **богиня Дали**, покровительница охоты, оплакивает своих погибших детей. Вряд ли у меня хватит сил подняться вверх... Если б только были у меня крылья птицы! С высокой скалы снова послышался протяжный крик. Он был похож на песню, сложенную самим Небом, на плач, на песню, брошенную Ветром – с вершины – к подножью вздрагивающих сосен. Будто слезы и будто приветствие – Новой наступающей жизни Утра, Будто знак чьей-то не наступившей встречи, Весны... Судьбы...

Охотник (подумав): Медлить нечего, скажу жене, пусть приготовит к рассвету еду на дорогу, закажу у кузнеца мешок долот и один железный хведи¹. Взойдусь на скалу, посмотрю, что же там, в самой Непостижимой Глубине Неба! Ах, если бы мне крылья большой птицы!

(Уходит в лесную чащу. Скрипят вслед высокие сосны).

Глава 2

Рождение Амирани

Раннее утро. У подножия скалы, проворно работая долотом и хведи, Охотник мастерит одну за одной ступени, будто строит лестницу в Небо. По ступеням поднимается все выше, осыпается под ступенями серый щебень, галька, отчаянно цепляется он за кустарники и деревья, растущие на скале. Кричит – по-птичьи – в тишину – в Небо – только бы не оступиться, не сорваться.

Охотник: Ах, если бы мне крылья большой птицы!

(Останавливается у входа в пещеру, освещенную утренним Солнцем. По краям входа в пещеру растет дикий виноград и сиреневые гирлянды душистых фиалок закрывают темный вход.

Охотник (тихо): Кто же кричал из пещеры, с вершины скалы?

Путаясь в густой зелени, входит под темные своды. На ложе из сухих трав и душистых цветов, обвитая нежными гирляндами вечерних лилий, лежала

¹ хведи – сванское название большого деревянного молота.

прекраснейшая из женщин – богиня Дали¹. Золотые волосы излучали сияние, открывая перламутровое тело, цвета розового морского жемчуга.

Богиня Дали (смеется, но в глазах слезы): Подойди ко мне, юноша, как зовут тебя?

— **Дарджелани**, – тихо произнес охотник.

Богиня Дали: Ты самый смелый из юношей, никто не отважился прийти сюда...Это кричал мой **Павлин**. (Из глубины пещеры выходит **Павлин**, раскрывает крылья над прекрасной **богиней**. В цветах и перьях теряется, будто растворяется в невидимом море ее тело, обращается в каплю, в морскую жемчужину, в застывшую слезу далекой безмятежности).

Дарджелани: Позволь мне остаться с тобой, о, прекраснейшая! (Смотрит, как из капли смеется лицо, улыбается зарей – и тает. И сам он, Дарджелани, растворяется, перетекает, теряется в разноцветных крыльях **Павлина**, похожего на Солнце, укрывающего весь мир с – высоты – весь мир – травой, цветами – и – нежностью).

Богиня Дали (тихо): Теперь – иди домой... Твоя жена – волшебница, и она привыкла каждый вечер дожидаться твоего возвращения, а если ты так сильно запоздаешь, она станет подозревать тебя, пойдет по твоему следу, доберется до нас и причинит нам какое-нибудь несчастье.

Дарджелани: Ну, что ты, моя жена хромая, она и дома-то едва ковыляет, куда ей до нас добраться...

(Засыпает у ног **богини**, неяркий свет освещает **Павлина**, сидящего с распахнутыми крыльями у изголовья **богини Дали**, держащего в клюве гирлянду белых душистых цветов. Быстрыми тихими шагами, вскарабкавшись по отвесному склону, в пещеру вбегает **Жена Охотника**. Хватает Золотые ножницы **богини**, отрезает ее волосы, плачет, убегает. Вскрикивает в ночи **Павлин**.

Богиня Дали открывает глаза, приподнимает голову.

Богиня Дали: О, боги! Голова моя, будто павлинье крыло... (Павлину) Кто же обрезал мои волосы? (Ищет Золотые ножницы, но не находит, плачет).

Павлин (вскрикивает, эхо повисает в горах, будит – птиц): О, прости меня, прекраснейшая! Я на миг сомкнул глаза, воспользовавшись моей оплошностью, в пещеру пробралась **Жена Дарджелани**, – только успел заметить, как Золотые ножницы сверкнули у нее в руке...

Богиня Дали: Значит, это она сгубила мою красу! (в отчаянии, **Дарджелани**) Пусть мой грех падет на тебя, ведь я же говорила, что твоя жена причинит нам несчастье. Теперь моя жизнь ничего не стоит. Возьми мой нож, разрежь мне чрево и вынь ребенка, потому что я беременна от тебя! Если дитя окажется мальчиком, дай ему имя **Амирани**, если девочкой, назови, как хочешь. Мой сын станет чабуки². Оставшись в моем чреве положенное время, он мог бы соревноваться с самим богом, а теперь будет уступать ему, но все же выполни мой завет: когда извлечешь ребенка из моего чрева, сохраняй его три месяца в желудке телки, затем три месяца – в желудке бугая, чтобы там, в тепле, получил он все то, чего ему не хватало в чреве матери. После того уложи ребенка в люльку и поставь у родника Иамани. Там пройдет тот, кто окрестит ребенка и скажет ему все, что необходимо будет знать моему сыну.

Дарджелани (в слезах): О, нет! Любимая, прекраснейшая из женщин, я не могу этого сделать...

¹ Богиня Дали – покровительница охотников.

² чабуки – герой

Богиня Дали (дает ему нож): Поскорей, умоляю тебя, любимый! Иначе наш сын может погибнуть!

(**Дарджелани** вскрывает чрево богини, извлекает оттуда солнцеподобного мальчика. Мальчик подхватывает цветок лотоса, играет с ним, улыбается).

Дарджелани: Прощай, любимая! Прощай, прекрасный Павлин! На беду и гибель пришел я сюда! (плачет).

Павлин: Не говори так, **Дарджелани**, не забывай – ты держишь на руках дитя самой **богини Дали**. Иди к роднику **Иамани** и выполни все то, что просила тебя **богиня**. У этого мальчика трудная судьба, но ты знай, **Дарджелани**, этот мальчик принесет на землю людям счастье, Огонь Мечты и Хлеб без примеси крови, без войны, насилия и смерти на земле. Он принесет мир и любовь в сердца и долины. Он принесет Знание и Мечту о Высоком, Непостижимом... Труден будет его путь и мучителен, но он взойдет по ступеням...

Дарджелани (с грустью обнимая ребенка): О, боги! Зачем я высек эти ступени из камня? Зачем я высек эту лестницу в Небо?

Павлин (кричит в предрассветной мгле): Прощай, **Дарджелани**! Пусть в сердце твоём трепещут цветущие крылья Мечты!

Глава 3

У родника Иамани

Родник **Иамани**, в водах которого отражается Солнечный свет. На берегу, среди высокой душистой травы улыбается сидящий в люльке мальчик. В его ладошках – крохотный, будто сердечко, цветок лотоса, на голове, шее, руках, ногах прекрасные украшения из цветочных гирлянд. Мальчик наклоняется, выглядывает из люльки, хочет дотронуться ладошкой до родниковой воды. Мимо него проходит толпа людей.

Прохожий: Кто твои родители? (Подхватывает ребенка, который готов вот-вот вывалиться из своей люльки и упасть в воду родника).

Мальчик: Я не знаю своих родителей.

Прохожий: Кто твой крестный?

Мальчик: Мой крестный – мой ангел-повелитель.

(Смеется, подкидывая в Небо белый лотос. Мимо родника проходит Ангел, останавливается, смотрит на ребенка).

Ангел: Кто же твой Ангел-повелитель, малыш?

Мальчик (смеется): Мой **Павлин**! Я его помню! И ношу в сердце! В его сверкающих крыльях рождается утреннее Солнце! Глядите! (указывает на Небо). Там, в Солнечных крыльях Павлина рождается вечная Мечта о счастье!

Ангел: А я буду твоим защитником. Хочешь? Я называю тебя **Амирани**. (Вручает ему булат). Спрячь его в ноговицу и воспользуйся лишь в случае самой крайней необходимости. Теперь во всем мире ничто не сможет тебя одолеть! Я знаю, что ты – сын **богини Дали** и желаю тебе счастья!

(Улетает, теряясь среди цветущих под солнцем облаков).

Сминая цветущую у берега родника **Иамани** траву, к воде подходят двое **Водоносов** из дома **Иамани**. Увидев мальчика, с любопытством выглядывающего из люльки, они хохочут.

1 Водонос: Надо же, какой красавчик! Ты зачем, негодный мальчишка, явился сюда? Откуда взял этот булат и ноговицу?

2 Водонос: Кто украсил тебя гирляндами из душистых цветов?

Амирани: Мои Ангелы-Повелители.

1 Водонос (смеется, оставляет посуду на берегу): Ах, Повелители... Вот сейчас я тебе...

(Оба Водоноса наклоняются к люльке, в которой лежит **Амирани**, пытаются отобрать у него булат и ноговицу. Обидевшись, он встает из люльки, стучает **Водоносов** головами друг о друга, ударяет пяткой. Разбивает их посуду, смеется. **Водоносы** убегают).

Через несколько минут из дома к роднику выходит **Иамани**. Наклонившись к воде, он ищет среди цветов и травы люльку. Заметив прекрасного мальчика, играющего в люльке с цветком, **Иамани** смеется.

Иамани (с радостью): Будет братом моим сыновьям **Усипи** и **Бадри**. (Уносит люльку с **Амирани**).

Глава 4

Знакомство с домом Иамани

Дом **Иамани**. Раннее утро. С улицы доносится блеяние коров, струящийся плеск водопадов и журчание горного ручья.

Амирани жмурится, разбуженный внезапным светом, потягивается. Неслышно, на цыпочках, крадется к люльке детей **Иамани**, где спят братья **Усипи** и **Бадри**. Наклоняется над **Усипи**, разглядывает его блестящие темные волосы, длинные ресницы, в которых дрожат солнечные блики цветущего утра.

Замечает в углу люльки маленькое шило, тянется ладошкой за ним, хватает и щекочет острым концом пятки спящих сыновей **Иамани**. Хохочет.

Усипи и **Бадри** просыпаются, плачут. Испуганная странным шумом в доме, вбегает **Жена Иамани**. Отбирает у **Амирани** шило.

Жена Иамани: Ах, негодник! Клянусь, если ты будешь плохо укачивать детей, я вернусь в дом, как только подою коров, тогда тебе несдобровать! Так поступать с моими детьми не осмелится даже сын **Дали** – **Амирани**!

Амирани: А разве я не сын богини **Дали** – **Амирани**?!

Жена Иамани (с удивлением): Что? Неужели это ты?! (Пауза). Ты в этом уверен?

Амирани: Конечно... Имя моей погибшей из-за любви матери – **Дали**... Это была самая прекрасная из всех богинь.

Жена Иамани бросается к **Амирани**, целует его, окунает в молоко. Искупав, заворачивает его в кусок кантхи ¹.

Жена Иамани: С этого дня я буду лелеять тебя, как собственного сына. **Богиня Дали** – покровительница Охоты и Охотников послала тебя в наш дом! (Берет за руку детей). Идемте быстрее к отцу, обрадуем его, что бог послал его сыновьям такого брата. (Уходят).

Глава 5

Тайна Иамани

Цветущее поле, раскинувшееся у подножия горы. Будто зеленый ковер, поросший диковинными, блестящими от Солнца и выплеснутой в Небо – мечты, – цветами.

¹ кантхи – вид ткани.

Через поле к дому **Иамани**, перепрыгивая цветущие оазисы, бегут **Амирани**, **Усипи** и **Бадри**. **Амирани** на миг останавливается, издали замечает **Жену Иамани**.

Усипи: Почему ты остановился?

Амирани: Сегодня в потасовке с тем чужаком с соседней горы, я услышал странные слова... И теперь они вновь прозвучали – будто – еще – и – еще раз – настойчивые – в моем сердце.

Усипи: Что же сказал он?

Амирани (задумчиво): Он сказал... «Если вы бойцы, герои и умеете держаться по-бойцовски, не бейте нас, чужаков, а лучше узнайте, что случилось с глазом вашего отца – **Иамани**...»

Усипи: С глазом нашего отца?

Амирани: Ну, да... Я сразу заметил, что у него на одном из глаз темная повязка, но никогда не решался спросить...

Бадри: Я сам первый сейчас же спрошу у мамы! (Бежит через цветущее поле, вдоль ручья, разбивая в осколки струящихся лепестков траву, будто танцуя в небе – навстречу маме, маме...).

Бадри: Мама! Скажи мне, что случилось с глазом нашего отца? Скажешь?!

(К **Жене Иамани** подходят **Усипи** и **Бадри**. **Усипи** обнимает мать).

Бадри: Прошу, мама, расскажи.

Амирани: Чужак с соседних гор сказал, чтобы мы спросили об этом... И никогда больше не дрались с горцами соседней долины.

Жена Иамани (помолчав, обнимает детей): Ничего особенного, дети... **Иамани** когда-то болел оспой, и болезнь повредила ему глаз, а больше ничего не случилось, клянусь вам!

Амирани: Но, это – неправда! (запальчиво) Я не верю!

(Входят в дом. **Жена Иамани** печет каждому из детей по горячему хачапури¹. Кладет хлебцы на угли.

(**Амирани** и **Усипи** выхватывают из углей два горячих хачапури. Прикладывают к грудям **жены Иамани**. Она вскрикивает от боли).

Усипи: Или расскажи нам всю правду, что случилось с глазом **Иамани**! Или мы сожжем тебе груди!

Жена Иамани: Хорошо, отпустите, не мучьте меня, дети, я расскажу.

(Дети убирают горячие лепешки с ее груди).

Жена Иамани: Один **Дэв**² стал врагом **Иамани**. И обложил нас данью; когда родились **Усипи** и **Бадри**, **Дэв** явился к нам и потребовал себе одного из них. «Если вы не пойдете на эту жертву, – сказал он, – дайте мне правый глаз **Иамани**». **Иамани** не согласился отдать ни одного из вас, мои сыновья, и предпочел уступить **Дэву** свой правый глаз.

Амирани (горячо): Я убью его!

Бадри: Я пойду сражаться с **Дэвом**!

(Входит **Иамани**).

Усипи: Мама! Достань нам железный лук и стрелы!

(**Иамани** молча дает юношам лук и стрелы. **Амирани** берет лук в руки. Лук тотчас ломается).

Амирани: **Иамани**! Принеси мне лучше кусок железа весом в десять око³.

(**Иамани** выходит, тотчас возвращается с железом).

¹ Хачапури – хлебец с запеченным внутри сыром.

² Дэв – сказочный злобный великан, необычайно сильный.

³ Око – старинная мера, примерно кило с четвертью.

Амирани: Идемте, братья! Попросим кузнеца выковать нам лук и отправимся на борьбу с **Дэвом**!

Усипи: На борьбу! С **Дэвом**!

(Смеркается. Ночная туманная влага соскользает в долины серебристыми трелями ночных птиц, обволакивает горы, цветущее поле. Юноши прощаются с родителями, уходят. Вслед им шелковой нитью вьется тихая песня родника **Иамани**. Покачиваются на воде отраженные звезды – белокрылые лотосы украшают Нимф, ткущих Кружево Судьбы).

Глава 6

Битва с Дэвом

Яблоневый сад на далеком поле, зеленеющий среди заснеженных горных кавказских хребтов. Среди деревьев пасутся овцы и бараны. Серdito нахмурившись, **Дэв** бросается навстречу приближающимся к его владениям юношам. Шумно хрипит, брызжет слюной, топает мохнатыми тяжелыми лапами.

Амирани натягивает железный лук, стреляет. **Дэв** на лету останавливает стрелу, метнув в нее камень. Стрела со свистом вонзается в землю. Юноши останавливаются, **Амирани** с удивлением рассматривает **Дэва**. Подбирает свою стрелу.

Дэв (смеется): Только тогда будете героями, если сможете сбить с моих яблонь хоть одно яблоко, а затем перебросить это яблоко на другую яблоню!

Усипи поднимает свой лук, целится, следом за ним целится **Бадри**, но, будто подхваченные невидимым тайным ветром, стрелы, пролетев сквозь листву, ранят только ствол дерева.

Амирани прицеливается, натянув тетиву железного лука, вбегает на холм, вся его фигура звучит, как тончайшая струна, излучая невидимый сноп света. Стрела вонзается в яблоневый ствол, будто осколки древней пирамиды, рассыпаются яблони, будто разбитая Музыка, будто чья-то Мечта о Несказанном. Слышит **Амирани**, как шепчет ему яблоня из своего сердца голосом **Иамани**:

— Не бойся, сын!

Сбитые **Амирани** разбросанные яблоки, словно подхваченные чьей-то нежной рукой, чьим-то теплым дыханием, будто внезапным порывом ветра – с застывших на Солнце гор, повисают, как нарисованные, будто на невидимых нитях с другой стороны яблоневого ствола, образуя изящную вязь, отражающую небесную сферу планет и звезд.

Разъяренный **Дэв** топает ногами, брызжет слюной.

Дэв: Если вы герои – попробуйте, по вашему желанию, поднять хотя бы одну овцу из моего стада, а другую уложить наземь.

Усипи и **Бадри** бросаются к пасущемуся среди деревьев стаду, хватают овец, но тотчас падают, будто подкошенные, не в силах оторвать от земли ставшие словно каменными изваяниями, тела овец. **Амирани** смеется. Точно фарфоровые игрушки, поднимает он овец, подбрасывает, точно пушистые солнечные шары – в Небо. Овцы моргают глазами, похожие на маленькие снежинки или сухие цветы. **Амирани** улыбается.

Блеют в воздухе над яблоневым Садам пушистые шары.

Дэв ударяет ногами в землю. Загоняет стадо вместе с **Амирани** в свой дом. Оставленные снаружи **Бадри** и **Усипи** отчаянно бьются в запертую дверь,

точно покинутые птенцы. Хохочет **Дэв**, хватает четырех овец, бросает на печь, поджаривает на сковороде. Съедает. Бросает обглоданные кости в темный угол, где скованная железной цепью, сидит его **Сестра**.

Дэв: Я сыт до утра. А на завтрак съем этого храбреца... (Засыпает).

Амирани подбегает к прикованной железной цепью **Сестре Дэва**. Косматая голова девушки напоминала львиную гриву. На руках и ногах – когти, а тело, покрытое скользкой чешуей, твердой, но подвижной, точь – в – точь – черепаший панцирь.

Амирани (со сжимающимся от страха сердцем): Скажи мне, девушка, как погубить того, кто приковал тебя здесь? И как мне потом выбраться живым к своим братьям?

Сестра Дэва (волоча по полу железную цепь): Моего брата может погубить лишь его же меч, хранимый им в масле. Меч настолько крепко сидит в этом масле, что один ты никак не сможешь вытащить его, но у моего брата есть «цемаши»¹, который ты должен принести. Один его конец крепко привяжи к мечу, а за другой конец потянем мы оба и вытащим меч. Когда он будет в твоих руках, подойди к моему брату, но ни в коем случае не ударяй мечом, а лишь приложи к шее брата, он сам перережет горло.

Амирани (с готовностью): Отлично!

Сестра Дэва: Только дай клятву именем Христа², что, убив **Дэва**, ты освободишь меня и не причинишь никакого вреда.

Амирани: Клянусь тебе, если хочешь, именем Христа... Только давай поскорей завершим то, что положено!

(Находит в темноте «цемаши», одним концом привязывает его к мечу, а другой конец дает в руки **Сестре Дэва**. Тянут «цемаши», наконец, им удается вытащить меч из масла. Со звоном падает железный меч. Будто чье-то тело, упавшее на пол, замирает в ожидании и напряжении. Проходит несколько секунд, когда **Амирани** кажется, что он сейчас погибнет. С леденящим душу спокойствием смотрит он на спящего **Дэва**, затаив сердце, почти не дыша.

От звона упавшего меча **Дэв** открывает глаза, кричит, тотчас засыпает.

Несколькими мягкими кошачьими прыжками **Амирани** подкрадывается к спящему **Дэву**, прикладывает меч к его толстой косматой шее. Задышавшись, хрипит во сне **Дэв**. Стихает. Произносит страшную тайну...

...Бьются, стучатся в дверь, будто птицы, братья **Амирани** – **Усипи** и **Бадри**.

Амирани бросается к двери.

Амирани: Сейчас, братья! Я иду! Иду!

(Оборачивается, видит сидящую на цепи **Сестру Дэва**, глаза которой стали похожи на пылающие красные угли. Слышит в темноте, будто из глубины сердца, голос **Иамани**).

— Не бойся, сын!

Заносит меч, разбивает вдребезги железную цепь, **Сестра Дэва** вскрикивает, поднимается на косматые лапы, оцетинив шерсть, волосы и когти, надвигается на **Амирани**, со злобным свистом и шипением, вот-вот охватит, унесет, спалит в раскаленной печи. **Амирани** еще раз заносит меч и ударяет несколько раз по ее косматой гриве.

Чудовище грузно падает, ему под ноги. **Амирани** бросается к входной двери, ударяет железным мечом, рассекая замки и засовы.

¹ цемаши – на сванском языке «крепко сплетенный кожаный ремень».

² Клятва Христом – в Сванетии равнозначна выражению «честное слово». Честному человеку нельзя отступить от «клятвы Христом».

Братья вбегают в темный дом, похожий на глубокую пещеру. Увидев убитого **Дэва** и его **Сестру**, со страхом смотрят на **Амирани**.

Амирани: Теперь этот дом можно подарить вашим родителям, злых **Дэвов** здесь больше нет! Но тот, кто ждет человеческой жертвы, живет на высокой скале, там – в Недосягаемой вышине – он прядет шерсть убитых баранов и ягнят... Сосна служит ему веретеном, а мельничный жернов – мотовилом. Он взял глаз вашего отца **Иамани**. Вот о чем я узнал здесь!

Бадри: Идем и поскорей расправимся с ними!

Усипи: Идем!

(Уходят по Лунной серебристой горной тропе).

Глава 7

Дэв Карцецхли ¹

Сосновый бор. Посередине – большая скала. На ее вершине сидит **Дэв Карцецхли**, глотает полуденное Солнце, смотрит на горы, и прядет шерсть, перед ним мельничный жернов, служащий мотовилом. Вокруг **Дэва** разбросана пряжа, косматая шерсть, пух. В воздухе клубами серо-сизого дыма, повисли клочья, обрывки, спирали звездных нитей. Будто края невидимой паутины, за пределами которой белоснежная сияющая даль, имя которой – Безмятежность.

Снова и снова глотает **Дэв** золотое Солнце, заплетает в сердце Ночи его светлые лучи, снова и снова вертит в лапах серые клочья овечьей шерсти, разрывает и связывает в загадочный узор.

Дэв (заметив приближающихся **Амирани** с братьями, кричит): Тут появились три какие-то мухи; лучше возвратитесь назад, иначе я мясо ваше съем и кости разгрызу.

Амирани (подняв железный меч): Сначала попробуй, мерзкий, сделать это, а потом хвались! (Натягивает тетиву лука, отпускает стрелу).

Дэв издает протяжный боевой клич, ловит пущенную **Амирани** стрелу, бросает пряжу, спускается к подножию скалы.

Амирани пускает в него стрелы, одну за одной. **Дэв** легко перехватывает их в воздухе, словно легкие надувные шары. Шаг за шагом, приближаясь к **Амирани**, его братьям, успевает поломать последнюю стрелу, пущенную юношей, раскрывает пасть и проглатывает **Амирани**. **Бадри** и **Усипи** прячутся за кусты цветущего дерева манго. Когда **Дэв** проходит мимо дерева, **Бадри** ударяет мечом. Хвост **Дэва** падает, остается в ладонях **Бадри**.

Усипи (Бадри): спрячься в ветви кустарника, иначе он проглотит и тебя!

(**Бадри** и **Усипи** прячутся. **Дэв**, проглотивший **Амирани**, входит в свой дом.

У порога его встречает **Мать Дэва**, замечает, что у ее сына нет хвоста, плачет).

Мать Дэва: Милый сынок! Где же ты потерял свой хвост?

Дэв: О, горе мне! У меня болит живот! (Подбегает к столбу, трется об него животом, пытаюсь превозмочь боль. Падает).

Если бы был жив мой хвост, я бы зацепился им за столб и не упал.

Мать Дэва: Не видел ли ты, сынок, кого-нибудь сегодня?

Дэв (морщась от боли): Видел, трех мух. Одну из них даже проглотил.

Мать Дэва: О, горе мне, если ты проглотил сына богини Дали – **Амирани**!

¹ Дэв Карцецхли – извергающий огненный ветер, имя черного дракона, проглотившего **Амирани**.

(В окно дома заглядывают **Усипи** и **Бадри**).

Бадри (громко): Эй, наш **Амирани**! Под коленом в ноговице у тебя заложен кинжал! В злом месте сидишь ты, в огромной – гриве пожирающего Солнце Дракона. Вынь кинжал и ударь им **Дэва** меж ребер несколько раз.

Сидящий в чреве злобного **Дэва**, **Амирани**, будто в расплющенной Вечной ночи, слышит слова братьев, не в силах пошевелиться от страха. Наконец, собравшись с духом, находит кинжал, бьет им **Дэва** несколько раз между ребер. Рассыпается Ночная мгла осколками.

Дэв (кричит): Не убивай меня! Я вытащу тебя через рот или сзади, по твоему выбору!

Амирани: Ах, мерзкий! Чего же стоить будет моя жизнь, если ты меня выблешь или выкинешь сзади!

Дэв: Тогда вытащи у меня кость в боку и вылезай оттуда. (**Амирани** надрезает бок **Дэва** и выходит. Ощупывает свое лицо, тело).

Амирани: О, боги! Как отважный **Иамани**, мой приемный отец, и я остался без одного глаза! Немедленно сделай мне глаз, проклятый **Дэв**, иначе я убью тебя!

Дэв: Отрежь у меня частицу печени и частицу легкого и проведи ими по глазнице, тогда вырастет глаз, новый, лучше твоего.

(**Амирани** снова погружается во тьму **Дэва**, в Страну Ночной Мглы отрезает большой кусок ночи, проводит им по своей глазнице. Через несколько минут у него вырастает глаз, здоровый, ничем не отличающийся от прежнего).

Дэв: А теперь исправь мой изрезанный бок, юноша!

Амирани: Ты темен внутри, как сама смерть! Ты, глотающий Солнце! Ты, злостный похититель Огня!

(Вставляет деревянное решето в бок **Дэва**).

Дэв (с грустью): Но я не могу не глотать Солнце, юноша! «То, что здесь, в человеке, и то, что там, в Солнце – одно»¹.

Амирани: Если Солнце – глаза Мира, отдай его свет людям, если глаза человеческие – ворота Света, верни их на землю! Я вставил деревянное решето в твой бок, чудовище, чтобы легко прожигая его, Солнце могло появляться вновь и вновь на небосклоне! И – покончим я этим, злостный пожиратель огня! Пусть мое маленькое решето станет воротами, через которые божественный свет будет пробиваться даже во Тьму Вечной Ночи!

А теперь верни зрение моему приемному отцу **Иамани**! Он давно не оборачивал лица к Небу и звезды не целовали его сердца, благодаря твоей прихоти, злостный пожиратель Огня... Верни зрение Сердца моему приемному отцу **Иамани**! И помни, что не заставишь никакого человека, никого – приносить тебе в жертву своих детей и Возлюбленных!

Дэв (с неохотой): Будь по – твоему, **Амирани**, сын богини Дали. *Ты решил вернуть Свет Солнца в сердца людей, не прося у них жертвы.*

Амирани: Да! *Солнце будет всегда возвращаться на Небо и всегда будет жить его свет и тепло в сердце земного человека, даже если ты каждую ночь будешь подниматься на эту вершину, прясть свою темную пряжу и пожирать Огонь Светил!*

Дэв: Ты нарушил божественный Замысел, юноша! За это тебя накажут боги! Бери глаз старика **Иамани**, он находится в коробке, которая спрятана в другой, укрытой в столбе, что стоит в моем доме.

¹ Цитата из «Упанишад» (памятники Восточной письменности).

(**Мать Дэва, Усипи и Бадри** ломают столб, вынимают коробочку с глазом **Иамани**, отдают **Амирани**. Белый Фаэтон подхватывает юношей, точно цветочных Эльфов на освещенную утренним Солнцем горную поляну, поросшую диковинными цветами белоснежных лотосов, лиан и зарослями раскидистой каранджи. Оставляет их под тенистым деревом фиговой пальмы, скрывается среди заснеженных облачных вершин, словно растворяясь в золотом блеске, обращается в ветер.

Глава 8

Дэвы Цветущих деревьев Ашоки

Когда **Амирани** открыл глаза, щурясь от яркого Солнечного света, он увидел над собою трех Огромных **Дэвов**, один из которых держал в косматых лапах коробку с глазом **Иамани**.

Амирани (вскакивает на ноги): О, неужели я проспал свою судьбу! Отдай мою коробочку, проклятый **Дэв**! Она подарена мне **Матерью Дэва Карцецхли**. В ней – похищенный глаз моего приемного отца **Иамани**.

Дэв: Отдам. Только сначала обещай, что добудешь вместе со своими друзьями **Кэту Натбиани**, дочь **Кеклуца**¹ **Кейсари**... (Улыбаясь). Многие из юношей пытались жениться на ней...

2 Дэв: Но никому еще не удавалось этого добиться.

Амирани (подумав): Что ж, я не прочь... Только, где находится тот царь и где живет его дочь?

1 Дэв: Там, среди снежных вершин – царство **Кеклуца**...

3 Дэв: А дочь его ждет жениха в башне, которая цепями подвешена к Небу.

2 Дэв: Если ты не добудешь дочь царя **Кеклуца**, мы не разбудим твоих друзей.

(**Амирани** бросается к спящим на траве, в зарослях цветов мадхуки, **Усипи** и **Бадри**, тормошит их, пытается разбудить, но тела юношей кажутся прилепленными к земле, будто стволы мощных деревьев. **Дэвы** смеются).

Амирани: Что ж, я согласен дать такую клятву. Я добуду дочь **Кеклуца**!

(**Дэв** возвращает **Амирани** глаз **Иамани**, будит **Бадри** и **Усипи**).

Дэв: Запомни, юноша, мы – три **Добрых Дэва**, духи цветущих деревьев **Ашоки**², желаем тебе счастья!

¹ Кэту Натбиани, («Натобуани») – эпитет, выражающий свет, солнцеемкость, светило; Кеклуца Кейсари, («кеклуоза») – «красивый, щеголоватый», «кейсари» – царь.

² Дерево **Ашоки** – по представлениям других индийцев, вызывает беременность. Жена должна была обнять или коснуться ногой определенного дерева, перед его цветением. Дерево расцветает, а это, в свою очередь, способствует зачатию. Сцены ритуальных объятий с деревьями во множестве запечатлены на древних индийских барельефах (II в. до н. э. – II в. н. э.). По теории кавказского происхождения мифа о Прометее (**Амирани**), ревностным сторонником которой был географ Страбон (63 г. ст. э. – 23 г. н. э.), утверждается, что миф о Прометее подвергся миграции из Колхиды в Индию, т.к. описатели походов Александра Македонского старались как можно красноречивее представить масштаб завоеванных земель, распространили его вплоть до Гиндукуша. В VII в. в книге описания Индии читаем: «Эту сказку подтверждают и рассказами о Кавказе и Прометее; ибо и это предание принесли сюда из Понта по ничтожному поводу...» По Э. Кенфлери (1724) «Прометей был особенно разумный человек и диковинных звезд смотритель, который жил на горе Кавказа. Он с великим прилежанием старался узнать течение планет и др. звезд и он первый был, который Ассирии астрономическую пользу сообщил».

Глава 9

Смерть Андрероби

Широкое море древности. Перерезав острым клинком кинжала свою темную косу, Женщина – Дэв перекидывает мост через море. Вслед за спящим на дне Неба Солнцем бегут **Усипи**, **Бадри** и **Амирани** по мосту, будто по дышащим влагой диковинным водорослям. Падают звезды и осколки Лунного света на их лица, обращаются в слезы любви и в тишину.

(**Усипи** и **Бадри** просыпаются, уходят вместе с **Амирани** в снежную сверкающую Бездну Неба).

Утренний луч Солнца рисует во тьме, во мгле – путь, обозначает Берег.

Берег

Поле, в котором шепчутся упавшие утренние звезды. Вдали – старое кладбище, к которому медленно движется повозка, запряженная девятью парами быков и буйволов. Многолюдная толпа сопровождает повозку.

На повозке лежит, свесив вниз до земли, огромные ноги **Андрероби**¹. Многочисленная толпа толкает арбу, **Андрероби** протяжно воет.

Андрероби:

О, боги! Спасите!
Меня заживо везут на кладбище!
Заживо хотят похоронить
Мое огромное тело,
Которое после смерти
Невозможно будет
Туда отправить
Из-за его непомерной тяжести!

Тяжелая нога **Андрероби** волочится по земле, цепляясь за камни, оставляя след, подобный борозде тяжелого плуга. Люди пытаются поднять огромную тяжелую ногу, но все их усилия ни к чему ни приводят.

Амирани быстро натягивает тетиву лука, с ее помощью, словно морским канатом, подхватывает огромную ногу, забрасывает на арбу.

Андрероби:

О, кто ты,
Кто мог в этом мире
Оказаться настолько сильным,
Чтобы так легко уложить
Мою огромную ногу на арбу?

Люди: Это **Амирани**! Сын грозной **богини** охоты **Дали**!

Андрероби (протягивает ему тяжелую ладонь): Будь моим другом!

Амирани: Вот незадача! Его ладонь раздавит нас всех!

(Подбегает к арбе, наклоняется. Подхватив огромный плоский камень, вкладывает его – вместо ладони в ладонь **Андрероби**. **Андрероби** сжимает камень. Из камня вытекает вода.

¹ Андрероби – то же, что и Дэв, представлен здесь, как «нарт». Упоминание его представляет собой отражение распространенного среди народов Сев. Кавказа нартского эпоса.

Андрероби: Будь моим побратимом, герой **Амирани**! Я дарю тебе в помощники своего **Сына**, пусть он сопровождает тебя повсюду. А теперь – я спокоен – прощай, **Амирани**! Пусть исполнится все, что ты хочешь, то, для чего ты рожден!

Амирани: Прощай, друг!

(Вместе с **Усипи**, **Бадри** и **Сыном Андрероби** уходят в сторону гор).

Глава 10

Сын Андрероби

Ночь в бамбуковой роще. Среди зарослей, на берегу небольшого берега, расположились на ночлег **Усипи**, **Бадри**, **Сын Андрероби** и **Амирани**. У догорающего костра, полуприкрыв веки, точно нахохлившийся филин, сидит **Сын Андрероби**. В его длинных тяжелых волосах отражаются яркие искры пламени, плещут в глазах, точно крохотные молнии. Он настороженно прислушивается к ночным звукам. Робкие Олени, выглянув из зарослей бамбука, принюхались к дыму костра. Прижав уши, сделали несколько несмелых шагов – к спящим людям. Хрустнула ветка... Обернулся **Сын Андрероби**, заметил, почувствовал Оленей, изогнулся по-тигриному, выгнул спину и схватил Оленей за шеи. Тотчас подвесил на ветвь дерева, над догорающим костром.

С Неба упала и разбилась вдребезги – Голубая звезда. Будто чья-то слеза... Будто стекло...

Защемило сердце **Амирани**. Вскрикнул он от боли – во сне. Открыл глаза. Заплакал, закричал сквозь тьму – будто испугнутый **Павлин**.

Амирани: Зачем ты, **Сын Андрероби**, убил этих Оленей?

Сын Андрероби (с удивлением смотрит на него): Я хочу есть.

Амирани: Но Олени не годятся в пищу... На этой земле они – друзья богов и людей...

Сын Андрероби: Мой отец – был **Дэвом**, он – нарт! Он сильнее, чем люди! И я – его сын! Он никогда ничего не запрещал мне и не рассказывал ни о чем таком...

На сиреневом фоне звездного кружева Неба колеблется силуэт Птицы, будто голубые созвездия приближаются к земле, тянутся к траве, к пруду – светлым облаком, туманной прохладой. Плачут в бамбуковой роще детеныши убитых Оленей. Роняет звездная птица на землю капли росы, точно слезы, точно скошенные цветы...

Зажмуривается на миг **Амирани**, чтоб не закричать от боли, от несправедливости, от собственной беспомощности, натягивает тетиву лука и стреляет в Небо.

Вспоминает Арбу, тянущуюся через поле – через берег к древнему кладбищу на морском берегу...

Амирани (откидывает лук): Твой отец о многом не успел сказать тебе... Я дал слово твоему отцу взять тебя с собою, но теперь я не могу сдержать его, **Сын Андрероби**! Пусть боги помогут тебе и мне! А ты сам позаботься о своей жизни. Ты сильный, молодой! Я дарю тебе свободу. И жизнь...

Сын Андрероби (сжимает в ладонях лук): Я согласен!

(С хохотом, громом, ломая стволы бамбука, убегает в чащу).

Башня из перламутра

Бескрайняя Небесная глубина, в которой, будто маятник раскачивается высокая башня. Эта башня в форме морской раковины, подвешена к Небу на цепях. **Амирани**, **Бадри** и **Усипи**, пораженные величием и недосыгаемостью, недоступностью башни, замерли в раздумье.

Бадри: Это и сеть башня, в которой живет дочь **Кеклуца** – **Кэту**.

Усипи: Но как добраться до нее... Слишком высоко – не дотянуться до Неба.

Амирани: Подпрыгни, может, достанешь до цепей и обрушишь их саблех.

Усипи делает несколько безуспешных попыток дотянуться до цепей. Вслед за ним тянется к Небу, к недосыгаемой вышине – **Бадри**. Амирани ударяет кинжалом по тяжелой цепи – словно застывает на миг в воздухе, совершая головокружительный прыжок, словно отважный горный Олень. Башня падает на землю, словно серебристый осколок величественной пирамиды, сложенной из перламутровых раковин.

В прекрасном светлом зале с расписными колоннами, будто в Подводном Невидимом мифе, **Амирани** впервые встречается свою возлюбленную прекрасную **Кэту**, дочь царя **Кеклуца**. Красота девушки покорила его сердце. Он упал к ее ногам, умоляя стать его женой.

Кэту (счастливая): Благородный, отважный охотник, сын **богини Дали**, я знаю твое имя, оно давно живет в моем сердце... Древние пророчества сбылись – и вот я встретила тебя, полюбив с первого взгляда.

Амирани: Клянусь быть с тобой до смерти! (К – **Бадри** и **Усипи**) Я вошел один в дом вашего отца **Иамани**, он принес меня туда, в цветочной люльке и ваша милая мать научила меня заботиться о вас, кроме вас, на земле у меня нет более близких людей! Порадуйтесь моему счастью вместе со мной! Теперь в дом вашего отца **Иамани** мы вернемся не втроем, а вчетвером!

Бадри: Мы рады, **Амирани**! (Прислушивается к доносящимся снаружи башни-раковины, звукам, к голосам). Но, по-моему, нас здесь уже окружают. **Усипи**, выгляни в окно!

(**Усипи** выглядывает в окно, кричит).

Усипи: Три ряда войск обступили нас плотными кольцами.

Кэту (плачет): О, боги! Это вернулся мой отец – **Кеклуца**! Вам пощады нем будет! Он уничтожит нас всех!

Амирани: Не бывать этому! Я должен бороться за свое счастье на этой земле! Дочь Света! Помоги мне, **Кэту**!

Кэту (целует его): Отец мой прекрасен – но кровожаден и мстителен! Никому не удавалось победить его! Дам тебе один совет: голова его прикрыта жерновом, который сзади прикреплен к шее золотой жилой. Когда подойдешь к нему, чтобы схватиться, постарайся как-нибудь перерезать эту жилу, тогда под тяжестью жернова наклонит он голову вперед и обнажится шея, ударь кинжалом в шею и немедленно отсеки ему голову. Если не успеешь или что-то переиграешь, то не сможешь победить его!

Амирани: Я понял все, прекраснейшая из светлых женщин!

(**Бадри** и **Усипи** выбегают из башни-раковины, сражаются с войском **Кеклуца**. **Усипи** уничтожает первое кольцо войска, прорывается к **Кеклуца**, но тот дует снежным вихрем на **Усипи**, душит его.

Бадри, обнажив свой меч, уничтожает второй ряд войска, прорывается к **Кеклуца**, тот безжалостно дует на него, душит холодным вихрем. Бадри падает, не в силах пошевелиться.

Амирани выпрыгивает из окна башни, схватив железную кольчугу, обрушивает удары на шлем отца **Кэту** – **Кеклуцу**. Ярким фейерверком сыплются, разбиваясь в воздухе, желтые искры, похожие на Млечные Кольца.

Амирани (тихо): О, боги! Мне не разбить этих колец.

(**Кеклуцу** дует на него, снежный вихрь засыпает глаза **Амирани** серебристой пылью, инеем, льдом. **Амирани** оседает на колени, но тотчас ловким ударом булата перерезает у **Кеклуцу** золотую жилу. Под тяжестью жернова **Кеклуцу** наклоняется вперед, открывается его шея. **Амирани** еще раз ударяет кинжалом по шее, отсекает ему голову. Снег – в перламутре – точно остановившееся время...).

Амирани: О, боги! Я убил его! **Бадри**! **Усипи**! Где ж вы?

(Озирается, вокруг башни множество убитых и раненых.

Вороны, ликуя, стаями летают над телами убитых врагов на поле. Кровь затопляет окрестные холмы. Не ступить. Наконец, **Амирани** находит тело **Усипи**, поднимает его на руки, точно легкое птичье перышко, идет по полю, ищет тело **Бадри**. Укладывает рядом с телом **Усипи**, плачет).

Амирани: Не гневайтесь на меня, братья! Я тоже иду за вами!

(Вонзает в свою грудь меч. Но меч не рассекает груди **Амирани**, ломается и падает на землю).

— О, боги! Даже смерти

Не удостоился я рядом с вами!

Бог смерти для меня пожалел!

Амирани сидит в поле, усеянном мертвыми телами, мертвых Каджей¹ воинов **Кеклуцу**, сжимает в ладонях коробочку с глазом **Иамани**, оплакивает гибель своих братьев.

1 Кадж (приподнимает голову): По-моему, я мертв... Или, по крайней мере, нахожусь в Царстве Мертвых. (Будит, тормозит другого **Каджа**). Смотри, что я вижу! **Амирани** хотел руки на себя наложить и ударить себя мечом, но остался жив. Оказывается, он так глуп, что не знает, как с собой покончить!

2 Кадж (приподнимает голову): Пусть отрубит себе мизинец, и этого будет достаточно.

(**Каджи** опускают головы, умолкают).

Амирани выхватывает меч, отрубает себе мизинец. Падает рядом с братьями. Бескрайняя Небесная глубина сливается с морем, со слезами юной Дочери Света – **Кэту**. Шепчет она слова любви и

слетают они с губ, точно лепестки цветков, опадают на землю, расстилаются туманом, обращаются в росинки, в перламутровые раковины, в свет... И – тают, точно не было...

Кэту: О, боги! О, Солнце!

Как помочь мне моему

Возлюбленному!

Сжальтесь над **Амирани**!

(Из крохотной норки в поле выбегает **Мышонок**. Лижет кровь **Амирани**).

Кэту (сердито): Что ты делаешь, негодный!

(Снимает башмачок с ноги, бьет **Мышонка** насмерть. Из полевой норы выбегает **Серая Мышь** – Мать **Мышонка**).

Серая Мышь:

Бесстыдница ты!

Из твоего предательства

¹ Кадж – злое сказочное существо.

Погиб твой отец!
Твой муж и девери лежат
Перед тобою мертвые!
Погибло столько войска,
И тебе даже не стыдно!
Может быть, ты думаешь,
Что и мне
Не жаль своего детеныша,
Как ты не пожалела
Отца и мужа
С его братьями?
Горе тебе,
Что ты ничем не можешь
Помочь своим умершим,
А я вот скоро оживлю свое дитя!

(Убегает, ищет по запаху среди цветущих деревьев какое-то дерево, поднимается на горный склон, приносит несколько цветов, сорванных с дерева, натирает ими тело **Мышонка**. **Мышонок** оживает, мать тотчас гонит его в нору. **Кэту**, наскоро высушив слезы на лице, бежит по горному склону вверх, ищет цветущее дерево Ашоки, срывает белые благоухающие цветы. Натирает ими тело **Амирани**. Легкий ветер колышет стебли травы, ветви деревьев и волосы девушки, склонившейся над возлюбленным. **Амирани** открывает глаза, улыбается, увидев лицо **Кэту**, сияющее над ним).

Амирани: О, я долго сегодня спал!

Кэту (обнимает его): Если бы не появилась **Серая Мышь**, если бы не спасла своего **Мышонка**, которого я убила по неосторожности, я не узнала бы секрета Древа Бессмертия!

С сияющим лицом она вскарабкивается на скалу, где среди камней и травы растет прекрасное Белое дерево Ашоки, дарящее Бессмертие.

Амирани (срывает цветы с ветвей): Поспешим, оживим **Усипи** и **Бадри**! (сжимает в ладони коробку с глазом **Иамани**). Это глаз **Иамани** помог нам! Нужно поспешить домой и вернуть зрение старому **Иамани**!

Ночь. У костра на берегу Куры дремлют раненые и несколько бродячих художников. На длинном деревянном столе, усыпанном цветами, стоят глиняные фигурки, вылепленные **Пиросмани**. Над столом в Лунном свете мерцает вывеска «Белый Духан». Люди в костюмах Зверей усаживаются за стол, наблюдают за художником и актрисой **Маргаритой**, греющимися у костра.

Из горячих лощин с противоположного берега Куры по деревянному мостику, будто бы сквозь перламутры Времен, бегут к огню лесные Звери и Люди. Из бамбуковых зарослей слетаются птицы. Звезды отражаются в воде и кажутся чьи-ми-то улыбающимися глазами.

Пиросмани подходит к столу, прикасается к своим фигуркам из глины. Здесь, в его ладонях, в лунном свете оживают легендарные персонажи: **Усипи**, **Бадри**, **Кэту**, **Амирани**, **Христос**, **Святой Георгий на коне**, несколько светлых птичьих яиц. В ладонях Пиросмани сверкают они, переливаясь будто перламутровыми огоньками, похожими на морские раковины.

Звучит на берегу Куры шарманка. Пахнет хвоей и речной тиной.

Глава 11

Куклы

Куклы: **Амирани**
Христос
Странник (Святой Георгий на коне)
Усипи
Бадри
Кэту

Словно отражение среди звезд **Куклы: Усипи, Бадри и Кэту. Амирани** рассматривает глаз **Иамани**, держит его на ладони, точно крохотное сердце, словно диковинный цветок.

Амирани (тихо): Я верну тебе зрение, старый **Иамани** и ты сделаешь людям еще много добра... Ты станешь говорить много добрых и мудрых слов, откроешь тайны звезд и мы вместе запишем на память людям судьбы Вселенной... (смеется, целует коробочку с глазом **Иамани**).

Внезапно Белый свет бьет в лицо юноше. Он щурится, пытается заслониться. В сверкающих серебристых одеждах перед ним стоит **Христос**.

Христос: Я ангел, крестивший тебя, **Амирани**... Я хочу забрать у тебя глаз **Иамани**... В этом сокровище слишком много силы... Бог не может одарить людей такой силой и знанием!

Амирани (смеется): Крестный, ты дал мне такую силу, что никто на свете не может устоять против меня, но я не принимаю теперь твоих слов. И буду бороться с тобой, чего бы мне этого не стоило! Я не так глуп, как был прежде... Я не хочу оставлять людей в невежестве и тьме – я верну им свет Солнца и немеркнущих звезд. Я верну им Крылья Мечты, Счастье – в горы и долины. Я не попрошу взамен кровавых жертв! *Я принесу им новый хлеб!*

Христос: **Амирани**, ты уже взрослый человек, неужели не знаешь, что нельзя бороться со своим крестным отцом?

Амирани: Тогда ты должен бороться со мной!

Христос: Так – хорошо! Я воткну в землю палку, которую держу в руке, и если ты ее вытащишь из земли, будешь *победителем*! Если же не справишься – не увидит никогда старый **Иамани** своего глаза!

Амирани: Идет!

(**Христос** вонзает палку в землю. Точно копье, точно стрела, дрожит и трепещет она, покачиваясь, как натянутая струна).

Амирани: О! Но с этой палкой даже возиться не стоит.

(Подходит к палке, легко вытаскивает ее на поверхность, **Христос** еще раз вонзает тяжелое копье в землю, но **Амирани** вновь с легкостью вытаскивает его).

Амирани (смеется): Ты, видимо, играешь со мной! Если хочешь, поборемся, а если не хочешь, оставь меня!

(Вновь звучит напев Шарманки).

Шарманщик: О, призрачный Олень, призрачный Олень!

Куда скачут призрачные Олени,

Они внезапно исчезают.

Сначала бежит – Газель,

Затем – Косуля.

Скачут призрачные Олени,
Пригнув рога к земле.
Бегут они...

Христос поднимает палку, будто жезл Власти, вонзает в землю.

Христос: Я приказываю тебе стать деревом, прорасти так, чтобы корни твои опоясали весь мир и концами могли дотянуться до Неба!

(**Амирани** несколько раз потянул за ствол будто бы выросшего из-под земли дерева, но ствол стоял неподвижно, точно вкопанный сурово и молчаливо, **Амирани** посмотрел на облака, белые, точно цветы, они расступились над заснеженными вершинами и сквозь облака **Амирани** увидел Бесконечный простор Древнего моря, будто тысячи Солнц падали в глубину, роняя в воду белое пламя. Искры обращались в диковинных птиц, в легкокрылых Нимф и Мойр, ткущих Судьбы Вселенной. Они кружились над волнами, почти не касаясь стопами ее поверхности. А из невидимой никому глубины, точно необычайная диковинная водоросль, тянулось вверх Дерево Бессмертия – Дерево Ашоки, покрытое лучистыми белесыми цветами).

Христос: За твою дерзость, человек, я накажу тебя! Я прикую тебя к Дереву Войны, а сверху пусть обрушатся на тебя покрытые снегом и льдами Гергет¹, и гору Казбек, чтобы ты больше не видел Неба и земли, чтобы лишиться тебя света и радости. На пропитание я буду посылать тебе на день коврижку хлеба и меру вина, которое будет доставлять тебе Ворон. Будет рядом с тобою одна Гошиа², рожденная Вороном. Она будет день и ночь глотать, утончать твою поржавевшую цепь. Но цепь не будет рваться. В каждый четверг **Великий Кузнец** будет ударять молотом по наковальне и цепь, готовая порваться, снова потолстеет, станет страшной и так будет отделять она тебя, сильный человек от жизни и смерти, превратится в границу смерти и тьмы, в ненадежный мостик между свободой и рабством... Здесь же, неподалеку, я положу и твой короткий меч, но он с годами будет изъеден ржавчиной, станет засыпан землей. И вряд ли понадобится тебе. Но ты, **Амирани**, будешь долго плакать по мечу, а меч – по тебе.

Раз в год Гергетская гора будет раскрывать перед тобой **Врата Мрака**, раз в год ты будешь видеть Свет, но также ты будешь избегать сияния дня... Только на некоторое время вид твоей земли будет пробуждать в твоём сердце стихнувшие страсти и беречь сердечные раны. Отныне будет так, гордый **Амирани**!

Из-под корня дерева Войны, проросшего сквозь землю, выполз **Гвелвешапи**³, закричал.

Гвелвешапи: Я отныне тоже твой враг, **Амирани**! Я приду, разорву тебя на части и съем!

Христос: Нет! Тебя я проклиная также! Я превращаю тебя в камень! Так и лежи тут. Некуда тебе бежать. Ни огонь, ни ветер, ни Солнце не сожгут тебя. Ни ветер, ни снежные обвалы не столкнут тебя в бездну, ни Небо, ни земля не примут тебя.

На том месте, где будешь ты лежать, не упадет снег, не появится лед. Это место будет чернеть даже в то время, когда вся гора Гергет¹ будет покрыта облаками и туманом. А ветер и дождь будут избегать этого места. Горные туры и козлы не захотят укрываться в этих местах даже во время снежных буранов. Все живое будет бежать от этих мест. Здесь вечно будет царить проклятье, смерть и безмолвие.

¹ Гергет¹ – место у подошвы горы Казбек

² Гошиа – порода маленьких собак

³ Гвелвешапи – змея+вешап – сложное божество

Твоя невеста **Кэту** и твои братья навеки останутся спящими у костра своей Надежды, а ты, вечно прикованный цепью, не сможешь разбудить их! Не вернуть тебе зрение старому **Иамани**, **Чабуки**!

Христос уходит. Плачет, **Амирани** прикованный железной цепью.

Амирани: О, Небо! О, боги! Если бы я снова мог стать маленьким, если бы мог снова оказаться в своей пещере, там, где

родила меня отважная мать – **богиня Дали** – там, где остался мой прекрасный **Павлин**, подаривший мне Сердце Мечты и зажег, словно Солнце, Огонь в моем сердце! Но, горе мне! Вместо **Павлина** со мной Безумная собака **Гошиа**, она гложет мою цепь и никогда не сможет разорвать ее! Как призрачные нерожденные фиалки – трепещут разбитые, развеянные по ветру – Крылья моей Мечты...

(Смотрит на спящих у далекого костра **Бадри**, **Усипи**, **Кэту**, плачет).

О, боги! Невеста моя – **Дочь Света** и братья мои – **Усипи** и **Бадри** уже не проснутся до той поры, пока я не верну глаз старому **Иамани**! Что делать мне?

Где-то рядом, в этих горах, совсем недавно вместе с **Кэту** мы срывали душистые цветы с Дерева Бессмертия и возвратили к жизни моих братьев. Цветы чудесного дерева вернули к жизни и меня, потерявшего надежду, полного отчаяния и тоски!

И что же – теперь? На что мне жить, мне, человеку, потерявшему Мечту и Надежду, видящему только раны, кровь и насилие вокруг себя?!

Кто же даст мне ответ на этот вопрос?!

(В Млечной тишине плещется на волнах диковинный голубой цветок – Земля. Сквозь нее, словно копье, брошенное в Сердце, проходит ствол Дерева Войны, к которому прикован **Амирани**. Это Дерево Войны и Раздора будит в Ночи старый Казбек, покачивают серыми кудрями Кавказские горные вершины, похожие на лица спящих мудрецов и звучат в горах одинокие выстрелы).

Шарманщик: Проходят годы... Бегут, бегут

По горным склонам Олени...

Куда бегут они?

Глава 12

Куклы II

Бескрайняя снежная равнина. Высоко в горах – оазис, будто бы роскошная церковная оранжерея. Тихий стук сердца из глубины.

Странник (склонившись перед цветком Гиацинта, вылепленного из глины):

Гиацинт, где былая яркость твоя?

День ли ночь – все пред ней забывалось на свете.

Где поляну дурманившая струя

Аромата, которым дышали соцветья?

Гиацинт:

Я один. Я покинул родные края

В мае там соловьи. Как в руках чародея,

Возвращается к жизни вся наша семья.

И в своем заточении, в оранжерее

Не услышу певца своего – соловья.

Странник:

Разве ты ничего не нашел тут взамен?

Жить внутри безопаснее ведь, чем снаружи.

Здесь тебя не достанут средь роскоши стен
Ни палящее Солнце, ни зимняя стужа.

Гиацинт:

Что мне золото и серебро богача?
С мертвым воздухом комнат мне нечем делиться.
Ни росы по утрам, ни журчанья ключа,
Ничего нет хорошего в этой теплице.
И нельзя за плющом мне от Солнца укрыться,
Ветерку шаловливые речи шепча.

(Издалека звучат выстрелы).

Странник:

Ты не прав. А припомни суровую зиму.
Ты, наверное, был бы морозом побит.
А теперь пусть метели проносятся мимо, -
Ты от снега рукой человека укрыт.

Гиацинт:

Милый Странник, на свете всему свое время.
Я умру окончательно в этом плену.
А на воле зимою цветочное племя
Лишь на время разлуки отходит ко сну.
Как ликуют, проснувшись, зеленые семьи,
Когда ласточки оповестят про весну!
Только я не смогу пробудиться со всеми,
На небесную синюю ширь не взгляну.

Странник:

Гиацинт, ты напомнил другой мне цветок.
Тот цветок – мой еще не изведанный жребий.
Он нуждается тоже в приволье и в Небе.
Или, может быть, поздно и он уж поблек? ¹

(Странник целует цветок, обращается в Солнечного **Павлина**, улетает к Дереву Бессмертия).

Глава 13

Возвращение

Над древней грузинской землей, над прикованным к дереву Войны, **Амирани**, восходит Солнце. Снег серебрится в горах и кажутся они легкими, как перламутр, как поднявшаяся со дна далекого моря Кораллы.

Амирани (щурится от внезапного света): Проклятая собака **Гошиа**, оставь мою цепь! Ты все равно не поможешь мне! Иди к подножью Казбека – грызи камни, точи свои острые зубы!

(Тихо, почти не касаясь измученного тела юноши, садится на его плечо **Павлин**. Распахивает над **Амирани** свои яркие крылья, заглядывает в заплаканные глаза).

Павлин: Пойдем со мной, **Амирани**!

Ты нужен людям!
Ты должен принести им
Хлеб без примеси крови, без войны и смерти.

¹ стихи Н. Бараташвили

Ты принесешь мир и любовь в сердца и долины.
Ты принесешь Знание и Мечту
О Высоком, Непостижимом...
Труден будет твой путь, Амирани,
Но ты взойдешь по ступеням...

Амирани (сквозь слезы): О, боги! Это мой **Павлин**! Он вернулся ко мне! (целует **Павлина**) Скажи, зачем когда-то высек мой отец **Дарджелани**, ступени из камня, лестницу, ведущую в цветущую пещеру, где должен был родиться я?! Зачем он высек эту лестницу в Небо? Смотри спят все – в горах, в долинах... Спят люди, спят их сердца, спят мои братья и моя невеста – **Дочь Света**... Как разбудить их сердца, они боятся смерти, войны и нового кровопролития? Потому спят давно их души? Спят, укрытые в коконе тел... Точно птенцы или брошенные зверюшки... Скажи, кто принесет им Цветы Бессмертия и оживит сердца, научит петь, смеяться и надеяться?

Павлин: Идем со мной, **Амирани**, ты должен вернуть зрение старому **Иамани**... Тогда прекратится на земле война и смерть. Людям пора вслед за тобой подняться по ступеням и стать вровень с богами, взойдя на Олимп своей души!

(Вынимает из коробочки, которую сжимает у сердца **Амирани**, глаз старого **Иамани**, прикладывает ко лбу юноши, обводит. Неожданный свет обволакивает землю и седые горы. Падают, как тяжелый панцирь, железные цепи, которыми **Амирани** был прикован к дереву Войны. Собака **Гошиа** бросает их с Гергетской горы в пропасть. Ломается ствол Дерева Войны, будто вздымается земля, рассыпаясь на часы).

Амирани: Что бы не случилось теперь – идем!

(Невесомым маятником в глубине Неба качается Дерево Бессмертия, роняет на грузинскую землю диковинные белые цветы. Гирлянды цветов украшают шею горных Коз, Оленей, Косуль, осыпаются дождем на птичьи крылья, белыми лотосами падают в Куру).

Дочь Света – **Кэту**, **Бадри** и **Усипи** вслед за **Амирани** и **Павлином** поднимаются по каменной лестнице, высеченной к скале, к седым вершинам Древнего Олимпа).

Налетел ветер, унес в горы – Время. По быстрой реке, по древнему звездному морю плыл, раскачиваясь под тонким белым парусом, длинный деревянный стол, на котором, словно на плоту, держались вылепленные из глины и тумана звери Пиросмани.

Плот качало ветром, но тот, кто держал весла и паруса, был сильнее ветра. Белый серебристый лотос огня пламенел в его сердце, обвитом виноградной лозой, и он, человек, больше не прикованный цепью к холодному камню рабства, к унылой отвесной скале, вел свой плот туда, где больше не было ни смерти, ни выстрелов, ни войны, ни страха, ни насилия и нищеты. Туда, к цветущей в утреннем Небе грузинской земле, туда, где согревали душу белые деревья, журчание водопадов, пение птиц – туда, где на ветвях качались спелые, налитые соком, будто медом, плоды, где обвивалась вокруг сердца виноградная лоза, вел свой плот Амирани.

Глазами, полными любви и блаженства, улыбались ему Звери на плоту. На краю пропасти, у серого камня, к которому был когда-то прикован Амирани, будто выпорхнув из Древности, расцвело дерево *Мечты о Сказке* – дерево **Ашоки**. Белое, как душа и чистое, как доверчивое сердце Зверей **Пиросмани**. Впереди всех над деревянным плотом летел и пел счастливый **Белый Барашек**, летел и пел, и гудел в перламутровую раковину.

Часть 3

Дерево Ашоки

по мотивам грузинских народных преданий

Глава 1

Косуля смотрит с вершины горы

На берег Куры выходят из арбы, причалившей к берегу на корабле, знаменитые тифлисские художники, критики, писатели, поэты, духанщики, танцовщицы из кафе-шантана, ашуги¹, «поэты Майдана»², несколько бежавших из плена солдат, раненые, изгнанные самодержавием из России – молокане³.

Люди в костюмах Зверей усаживаются рядом с ними за стол, поднимают бокалы, молчат, разглядывая друг друга. В ночной тишине, с одного берега Куры на другой перелетает горное эхо выстрелов.

Ветер разбрасывал белые гирлянды цветов по длинному деревянному стволу. На стол опускается тень, то увеличиваясь, то уменьшаясь, будто морская пена, напоминающая Белого Барашка. **Пиросмани** слепил из облака и глины овал, рассмеялся. Рядом с ним за столом сидел художник **Лад** **Гудиашвили**.

Пиросмани: И теперь из этого яйца должна возникнуть жизнь. Понимаешь?

Гудиашвили: Да....

(**Пиросмани** лепит из облачного яйца глиняные ножки с копытцами, голову, ушки, крохотный хвостик).

Белый Барашек стоит на столе, улыбается, только в глазах – слезы.

Пиросмани: Так было раньше... «Когда было то, что не было ни существующим, ни несуществующим одновременно⁴... От этого родилась Тьма, от Тьмы – первоначало существ, от первоначала существ – пространство, от пространства – ветер, от ветра – огонь, от огня – воды, от вод – земля. Так возникло яйцо. Просуществовав год, он разделилось надвое. Из нижней половины возникла земля, из верхней Небо». (**Белый Барашек** в ладонях **Пиросмани** качает головой, улыбается).

Пиросмани: «В середине божественный **Пуруша**, тысячеголовый, тысячеглазый, тысяченогий, тысячерукий Его имя – **Брахман**. Из разума он сотворил семерых сыновей. Из разума рождена Луна. Из глаза родилось Солнце. Из уха – и ветер, и дыхание. Из сердца рождается все сущее...

Из его дыхания, идущего книзу, родились нишады, якшы, ракшасы и гандхарвы⁴, из костей – горы, из волос – травы и деревья, из лба – **Рудра** – воплощение гнева. С выдохом этого великого существа возникли – науки о произношении, ритуале, грамматике, этимологии, метрике, движении светил. – И все существа».

(Гладит заоблачного Белого **Барашка**, тот тихо блеет. Художник наливает в пиалу молоко, кормит **Барашка**. Заходящее Солнце, будто падая в ладони **Пиросмани**, освещает длинный стол, усыпанный цветами, золотым блеском.словно несбыточной мечтой.

Плещется в ладонях **Пиросмани** древнее море, и волны, похожие на облака, напоминают Белых **Барашков**.

¹ Ашуги – традиционные певцы.

² «Поэты Майдана» – тифлисские народные поэты.

³ Молокане – разновидность верующих.

⁴ Здесь и далее выдержки цитат из текстов «Упанишад» (Памятники письменности Востока).

Золотой блеск лучей – будто далекой Мечты, падает на шерсть **Барашка**, сотканного из облака, глины, Солнца и звезд. Пьет молоко **Барашек**. Пьет из глиняной пиалы, из морщинистых ладоней художника, будто из самого цветка Неба... В дальних горах освещаются узкие тропинки, каждый камешек будто трепещет. Вскрикивают напуганные выстрелами белые чайки, тянутся в синюю Бесконечность – голосом, взглядом, крылом... Будто хотят еще на миг прикоснуться к Древней Тайне...)

Пиросмани (раскрыв сухие от Солнца и беспрестанного труда ладони, будто крылья, в которых трепещет Сердце его Мечты): «Золотой блеск, в котором покоятся все миры... Он разделился надвое: половина – женщина, половина – мужчина. Став богом, он сотворил богов..., деревенских и лесных жителей, скот. Одну создал коровой, другого – быком, одну – кобылой, другого – жеребцом, одну – ослицей, другого – ослом, одну – Вседержительницей, другого – Вседержителем. В конце существования он сжигает всех существ – когда земля растворяется в водах, ветер растворяется в пространстве, пространство – в чувствах, чувство – в тонких частицах, тонкие частицы растворяются в первоначале существ, первоначало существ растворяется в великом, великое растворяется в непроявленном, непроявленное растворяется в неуничтожимом, неуничтожимое растворяется во Тьме, тьма становится одним с высшим богом. За его пределами нет ни существующего, ни несуществующего, ни существующего, ни несуществующего одновременно. Таково наставление о превращении Бытия – наставление Веды...» (гладит Белого Барашка).

«Да будет он подобен ребенку... Природа ребенка – свобода от уз и непорочность. Молчанием, ученостью, безграничным усердием да достигнет он одиночества, провозглашенного в Ведах».

«Узнав великое состояние, да обитает он у подножья Древа. Покрытый рубищем, без спутников, одинокий, сосредоточенный, достигший желанного, свободный от желаний, с угасшими желаниями, равно видя образы смерти в слоне, льве, оводе, комаре, мангусте, ракшасе, он ничего не страшится. Да будет он подобен Древу – не гневается и не колеблется, даже когда его рассекают. Да будет он подобен Цветку Лотоса – не гневается и не колеблется, даже когда его рассекают. Да будет он подобен пространству – не гневается и не колеблется, даже когда его рассекают. Да пребывает он в истине». (Ставит на стол холст, рисует).

«Сердце всех запахов – земля, сердце всех вкусов – вода, сердце всех образов – огонь. Сердце всех прикосновений – ветер. Сердце всех звуков – пространство, сердце всех состояний – непроявленное, сердце всех существ – смерть. Поистине, смерть становится одним с Высшим богом – за его пределами нет ни существующего, ни несуществующего, ни существующего, ни несуществующего, одновременно. Таково наставление о прекращении Бытия – наставление Веды».

(Люди, сидящие за столами, поднимают бокалы с вином).

Смешав ароматы цветов и краски заката над невидимым далеким морем, над высокими древними горами, покрытиями снегом, Солнце скрывается. Будто тонет в сухих потрескавшихся ладонях художника. Тело его на миг становится белым, как стекло Света, как зеркало, как вода, в которой отражается Вселенная.

И там, в Солнце, в Сердце, залитом светом, крохотным лучистым облаком, точно белой морской пеной, трепещется Белый Барашек, пьющий молоко из глиняной пиалы.

(Будто подбитые птицы, с гор слетают одинокие выстрелы).

Пиросмани: Кто-то сбежал из турецкого плена... Городская площадь полна раненых, ступить негде! Что будет с нашей цветущей Грузией? (пьет вино). Как Белого **Барашка**, растерзают ее, разорвут на части хищные звери.

(В наступившей мгле **Пиросмани** лепит из глины Неба, будто из звезд, маленьких зверей, птиц, будто пытается создать из Сердца Вселенной Мечту – новую Землю, новую планету. Берет кисть, во тьме освещая путь звездами, рисует на холсте Белого Барашка).

Пиросмани: Это мой Баран. Это моя Грузия. Та, что еще только должна родиться (помолчав). Может быть, после того, как я умру... Та земля, где не будет войны и выстрелов, не будет крови и жертвоприношений – людей, зверей... Только – весна... Вот это и есть – моя комната. Вы все любите спрашивать, где я живу, почему бродяжничаю по духанам, а то и просто по подъездам.

(Вдруг – смеется). Вы – **Лад**о, пришли ко мне как враг или как друг?

Гудиашвили: Не знаю... Отчего же мне быть вашим врагом – вы художник, и я художник. Я пришел, как друг... Помните собрание грузинских художников?

Пиросмани (присматривается к нему): Да, да, конечно заходите ко мне... Вы – **Лад**о. Я вас помню. Чаше заходите, брат... (Нервно смеется). Нечем угостить Вас... Я не сторонник... Я немного другой, чем остальные художники. (Помаст хлеб). Хотите?

Гудиашвили (берет хлеб): Спасибо.

Пиросмани: Вы знаете **Зданевичей**? Это хорошие художники. У них много моих картин. Я ведь много работал... Тифлиссские погреба, вот, где я теперь работаю. И этим живу... А этой серьезной добросовестной публикацией я дорожу и горжусь...

(Вынимает из кармана измятый листок газеты «Сахалхо прцели»). Вот газета, где была моя картина... А вот мой портрет... **Гоголашвили** сфотографировал меня и поместил в газету. Здесь, на фото, я серьезный...

(При свете звезд **Лад**о **Гудиашвили** читает статью).

Гудиашвили: А над чем вы сейчас работаете?

Пиросмани: Ничего не делаю. Только картину «Наседка» закончил... Рисовал Оленей, Медведей, ... Я люблю рисовать животных. Это друзья моего сердца. Я работаю только на заказ. (Смеется). Живу бедно... Иногда меня обманывают, не платят. Безбожно ведут себя, друг мой. Ведь я и так работаю дешево. А иногда надо для себя что-то купить...

(**Гудиашвили** передает ему деньги).

Гудиашвили: Извините, что мало. Это Вам от Общества Художников (помолчав, смотрит на палитру **Пиросмани**, освещенную звездным светом, будто морская звезда трепещет и переливается она в морщинистых ладонях старого художника). Научите меня рисовать... Я чувствую в вашем сердце – живая вода моей Грузии... Я чувствую, как стремительно мчатся серебристые водопады, по величественным горным склонам, словно свежее вино. А над заснеженными вершинами летают белые птицы, как плещется море, древнее и соленое, как слеза Мечты о Невозможном...

(**Пиросмани** дает ему в руки кисть, **Лад**о рисует, будто освещенный звездным венцом).

Пиросмани: Вы научитесь работать, **Лад**о. Просто вы все боитесь перейти на этот берег Куры... (Плачет, видит, как по деревянному мостику, освещенный голубыми звездами, бежит юноша, погоняющий **Ослика**, бежит к лодкам, качающимся на противоположном берегу, к беседке, обвитой цветами, как далекой песней). Глядите, **Лад**о, в Небе, там, среди звезд, бежит к Вам тот,

кому я отдам своего **Белого Барашка**. Тот, чье сердце – цветение, тот, у кого хватит сил пройти весь путь без крови, тот, кто сбережет хлеб и любовь (бормочет что-то). Нет, так нельзя... Слушайте, я научу Вас рисовать так, как следует... я так рисую... (смеется сквозь слезы). Надо надеть старый передник, зажечь лампу, замесить ногами мел, взять синьку и выбелить стены или покрыть все черным цветом. Да, так нужно...

(Сильный поток ветра опрокидывает горсть белых цветов, душистой лавиной – с гор – на землю. Рассыпаются по берегу вечные выстрелы, будто волны бросают из глубины мелкую гальку. Переворачивается стоящая на столе глиняная пиала с остатками молока. Молоко разливается по столу, с камня спрыгивает **Косуля**, пьет молоко).

Пиросмани: Ах, как быстротечна жизнь, милый **Ладо**! Она – как порыв ветра с гор, сминающий цветы... *Учитесь созерцанию, мой друг! «Оно воспроизводит постигнутые сердцем чистые идеи, оно – изобразительное искусство, поэзия или музыка.* Оно – единственный источник... познание идей. Его единственная цель – передать это познание... Наука... Наука, следуя за непрерывным и изменчивым потоком оснований и следствий, после каждой достигнутой цели направляется все дальше и дальше и никогда не может обрести конечной цели, полного удовлетворения, как нельзя в беге достигнуть того пункта, где облака касаются горизонта, – искусство, напротив, всегда находится у цели. Ибо оно вырывает объекты своего созерцания из мирового потока и ставит его изолированно перед собой». Это мой **Барашек**. Это моя планета. Это моя Грузия...

Ладо, «весь мир похож на драмы Гоцци, где постоянно являются одни и те же лица, с одинаковыми замыслами и одинаковой судьбой, конечно, мотивы и события в каждой пьесе другие, но дух событий один и тот же.... Действующие лица одной пьесы ничего не знают о событиях в другой, хотя сами участвовали в ней, вот почему после всех опытов прежних – Панталоне не стал проворнее или щедрее. Тарталья совестливее, Бригелла – смелее и Коломбина – скромнее». Ах, милая наша Грузия! Издавна белый заоблачный образ прекрасного **Оленя** и жертвенного **Барашка**, поднявшегося над миром в образе **Амирани**, прикованного к скале и сказавшего «нет!» всем богам, вырвавшего огонь Сердца и Знания – и принесшего песни звезд – людям! Милая моя земля, где не будет войн, где не будет крови и насилия! Земля, увитая гирляндами цветов лиан и быстрокрытых рек! Услышь мое сердце! «Если бы нам дано было когда-нибудь ясными очами проникнуть в царство возможного и обозреть все цепи причин и действий, если бы явился Дух Земли и показал нам *образы прекраснейших мечтаний, просветителей мира и героев, которых «случай» погубил до начала их подвигов,* если бы он показал затем великие события, которые изменили бы мировую историю и повлекли бы за собою периоды высшей культуры и просвещения, но которые при своем зарождении были заглушены какой-нибудь слепой «случайностью», ничтожнейшим происшествием, если бы, наконец, он показал нам замечательные силы великих индивидуумов, которые бы оплодотворили бы целые века, но которые они в заблуждении их страсти или под гнетом необходимости, бесполезно распространили на недостойные и бесполезные дела или расточили, играя, если бы мы все это увидели, мы содрогнулись бы и возопили о наибольших сокровищах целых веков!»

О, моя милая родная земля!.. (Помолчал).

«Но Дух Земли улыбнулся бы и сказал: *«Источник, из которого выходят индивидуумы и их силы, неисчерпаем и бесконечен, как время и пространство,*

ибо они, подобно этим формам всех явлений, тоже лишь проявление, видимость воли. Никакая конечная мера не может исчерпать *этого источника! Это искусство, создание гения!*

Только оно воспроизводит постигнутое *чистым созерцанием вечные идеи – и оно – единственный источник познания идей!*» Гениальность, **Ладо** – это «способность пребывать в *чистом созерцании*, теряться в нем и освобождать познание, упускать из виду свои интересы, желания и цели, совлекать с себя свою личность, для того, *чтобы остаться только чистым Познанием; светлым оком мира!*»

Я вырываю тебя, моя Грузия, из общего потока времени и смотрю в твои черные глаза, в которых тепло южной ночи, немеркнущих звезд и прохлады горных долин, усыпанных цветами голубых фиалок! Я спешу и спешу всегда запечатлеть тебя и твоих детей- зверей, птиц, цветы, прекрасных людей – мужчин и женщин, знающих, что такое жизнь и ненавидящих войну и кровь. Я люблю тебя такую тихую, печальную, молчаливую, смеющуюся, теплую и веселую. Вырывая тебя из цепи событий времени и явлений, я «закрепляю» тебя в Вечности, в глине, на холсте: Я так хочу! Я – твой сын, твоё дитя, твой жених! «Всякое хотение возникает из потребности, значит – из нужды. Значит – из страдания».

И я хочу – тебе – моя Грузия – тебе – одной – счастья!

Я рисовал и рисую тебя и испытываю «то болезненное состояние, которое Эпикур славил, как высшее благо и состояние богов: ибо в такие мгновения мы, художники, сбрасываем с себя унижительное иго воли, мы празднуем субботу каторжной, ищачей, работы хотения и колесо Иксиоса останавливается»¹. Такое состояние, милый мой **Ладо**, мой ученик, есть то... необходимое для познания... как чистое созерцание.

Слышишь плеск ветра, летящего с гор? Запомни этот миг. Это твои горы и мои. Это наша Грузия. Мы явно растворяемся в интуиции, мы теряемся в объеме, забывая всякую индивидуальность, отрешаемся от познания и возвышаемся, стоим вне потока Времени. Тогда уже безразлично, смотреть ли на заход Солнца или звезды из темницы или из чертога. Внутреннее настроение – перевес познания над хотением может вызвать такое состояние, **Ладо**.

Все может быть унесено ветром, в любой миг все может исчезнуть... Утонуть, уйти под землю или под воду, погибнуть под пулями – быть раздавленным тяжелым серым камнем чьей-то души, в любой миг... все, что живет и дышит, растет, цветет, тянется к Небу, может оказаться прикованным к скале... Но *сила искусства, этот тонкий ищачий мост, этот звездный свет и огонь*, вырванный у богов, радостью весеннего первого цвета, созерцающего с тихим сердцем даже самую смерть, останется – человеку. У этого выскользнувшего из потока времени и истории, единственного мига в жизни, есть имя – это моя душа, моя Грузия, мой **Белый Барашек**, мой спасительный **Амирани**, в глазах которых отражаются звезды, и в сердце плещется великое море, это мое мгновение, мой голос в вечном вихре, мое блаженство, *мой хлеб без примеси крови, моя свобода и покой, мой мир без войны, моя – навсегда моя – тихая Сказка о Несказанном...*

Ладо (рисует, будто на ярком звездном Небе, на белом холсте, портрет **Пиросмани**): Я понял Вас, учитель... вы любите свою Грузию, своего **Белого Барашка**, любите, созерцая и страдая сердцем – все самое простое. До травинки или цветущей розы, – все является для вас символом, наполненным

¹ В репликах и монологах Пиросмани использованы цитаты из А. Шопенгауера «Мир как воля и представление».

жизнью, нераскрывшимся бутоном, нерожденной звездой. И этой нитью –нитью Ариадны. Вашего сердца – рисую я Ваш портрет. Вы замечаете незначительные детали в живых существах, в природе и предметах, как замечательные нидерландские художники относились к объектам созерцания в своих натюрмортах. Грузия для вас – знак Воплощенной Вечности... Тайный иероглиф...

(**Пиросмани** обнял **Лад** **Гудиашвили**, они сели один напротив другого за длинный, усыпанный цветами стол. **Косуля** допивала последние капли разлившегося по столу молока).

Пиросмани: А как поступите Вы, **Лад**! Я старею, мой путь окончен и подходит к концу. А Вы? (Волнуясь) За вами будущее, **Лад**... Построите Дом или нет? Помните, тогда на собрании художников? Я говорил Вам, что нужно построить Дом, где могли бы собираться все вы, говорить о искусстве... Если построите – там и встретимся... А сейчас что? (Рассматривает свое лицо на портрете, написанном **Гудиашвили**, берет холст в руки). Теперь нам пора расстаться...

Лад: Вы... уходите?

Пиросмани: Я еще приду и напишу твой портрет, **Лад**...

(Медленно идет в сторону горной вершины. Вслед ему звучат выстрелы... Будто с Неба сыплются градом камни, бьют в спину). Безбожные люди... все время стреляют и бросают камни... Уходите к себе, **Лад**! Я еще вернусь и мы с Вами выпьем в моем подвале...

Лад: Я не пью, учитель...

Пиросмани: Ну, тогда лимонаду... В жизни бывают минуты светлые и горькие. Мне больше досталось горьких.

(**Пиросмани** уходит по горной тропе прячась в зелени и цветах. Следом бежит **Косуля**. К **Лад**, на лице которого блестят слезы, спешит, погоняя Осл, босоногий **Мальчик**. Перепрыгивает бесконечные бревнышки на деревянном Ишачьем мостике, ведущем на противоположный берег куры, где качаются на пенистых гребнях, похожих на белых Барашков, лодки, туда, к цветущей беседке, откуда-то слышится чья-то тихая песня.

Пока я жив буду...

Буду растить фиалки и розы

Моей жизни.

Умру – обрадуются сначала

Мои враги, потом черви...

Друг букетом роз ударил меня в сердце...

И недуг охватил мое сердце.

Мое сокровище, Ослики...

Никому не отдам за деньги...

Глава 2

Поэт

Длинный деревянный стол, усыпанный цветами, качало, будто огромную колыбель из стороны в сторону. Землетрясения, потопа, войны терзали мир, землю, на которой он стоял, точно корабль, бросивший якорь – в Бескрайность вечного Неба.

За столом сидели тифлисские живописцы, поэты, музыканты, кафешантанные танцовщицы, духанщики, просто люди, звери, птицы., люди в костюмах и масках Зверей и Птиц. Они держали в руках бокалы, в которых цвело вино. Цвело, будто душистая серебристая роза. Казалось, люди прислушивались к звучащим над их головами выстрелам, как праздничному фейерверку, к салюту, звучащему, словно натянутая струна над городской площадью. Их сердца и взоры были прикованы к противоположному берегу Куры. Будто предчувствовали они, что оттуда, словно спустившись сквозь времена и километры, должно придти, нахлынуть волной их Будущее, словно там должно родиться утро их любимой Родины.

-Мы не хотим войны! – говорили сидящие за столом и вино цвело в их бокалах, играя ярким пламенем восходящего Солнца.

Виноградная лоза обвилась вокруг сердца чуткого **Оленя** и он доверил свою любовь – **Поэту**.

Выше облаков и выстрелов, выше ветра и гор, над качающимся, словно потерянным в космосе кораблем, над землей, звучал его взволнованный голос.

Поэт: «Вино в стакане – как цветок. Разве можно подливать воду в вино? Нельзя стакан встряхнуть, чтобы вино испортилось! Тот, у кого нечистая душа, кто таит злобу в сердце, кто не верен дружбе, кто ест несправедливый хлеб, недостоин пить вино! Бог дал нам, людям, вино для веселья, для раздолья, для дружбы, а не для ссор, драки и человекоубийства! Вино, как меч грузина, кривде не служит!»¹.

...Тихо и гулко, как полная Луна, звонили весной 1918 года пасхальные колокола над Кавказом. Под ногами, словно осколки стекла, лопалась, ломалась яичная скорлупа. Слово раз и навсегда рушился привычный старый мир. В протяжный звук вплетались крохотные подголоски нежнейшим звуковым орнаментом.

В беспам'ятстве, без работы и денег, лежал в своем подвале великий грузинский художник **Нико Пиросманашвили**. На его лице сияла тихая улыбка.

...Весенним утром 1918 года, французская актриса **Маргарита**, распахнула окно своего тифлисского дома и увидела множество птиц...

«Ах!» – вздрогнуло ее сердце и замерло, будто пронзенное внезапным выстрелом.

Из-под снега вырастали цветы. Белые, желтые, алые розы, покрывали землю под ее окном. Среди розовых кустов она обнаружила картину, оставленную ей сердцем художника. Картину, скрытую в цветах, угадываемую лишь внутренним взором.

На картине было изображено цветущее дерево **Ашоки**. Оно качалось в Бескрайности Неба, точно серебристый лотос, брошенный в пруд. Вокруг Деревя причудливым орнаментом переплелись холодные, будто задетые инеем голубые цветы, похожие на гиацинты. Под густыми вечно зелеными кронами гулял красавец – **Олень** и блеяли **Ягн'ята**, похожие на облака, вылепленные из тумана и талого весеннего снега, покрывающего Кавказские хребты.

¹ из повести Г. Леонидзе «Волшебное дерево».

© Кэту

Ишачий мост. Вольная поэтическо-драматическая фантазия по картинам Пиросмани. В книге использованы репродукции Нико Пиросаманашвили и фото Я. Дегтярёва. Минск, «Кухняпринт», 2008 г. 55 стр.

Подписано к печати 26.07.2008. Формат А4. Бумага Офисная. Гарнитура Arial. Усл. авт. л. 2,63. Усл. изд. л. 3,05. Заказ № :-)), Экземпляр № 1. sveta_cher@tut.by